

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Часть I

Новосибирск, 2012 г.

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

Ф 54

Ф 54 «Филология, искусствоведение и культурология: прошлое, настоящее, будущее»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (14 мая 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 108 с.

ISBN 978-5-4379-0087-1

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Филология, искусствоведение и культурология: прошлое, настоящее, будущее» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

Рецензенты:

- д-р искусствоведения, канд. филол. наук, Мышьякова Наталья Михайловна, профессор, заведующая кафедрой «Социально-культурный сервис и туризм» Института туризма и международных экономических отношений Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики
- д-р филол. наук, Труфанова Ирина Владимировна, профессор кафедры филологического образования Московского института открытого образования (г. Москва)
- канд. филол. наук, Бердникова Анна Геннадьевна (г. Новосибирск).

ББК 71+80+85

ISBN 978-5-4379-0087-1

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Культурология	6
1.1. Теория и история культуры	6
ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ВУЗЕ (СТАТЬЯ ЧЕТВЁРТАЯ) Гаврилова Екатерина Сергеевна	6
РИЗОМОРФНАЯ СТРУКТУРА СЕТИ ИНТЕРНЕТ: КОММУНИКАТИВНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ Понкратова Александра Петровна	12
«200-ЛЕТИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ». PR СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА Розина Ирина Валерьевна	17
РОК-МУЗЫКА-ЯВЛЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ПЛАСТА» ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ Явтушенко Юлия Олеговна	21
1.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов	26
МУЗЕЙ — ИМЕНИ «БРАТЬЕВ ДОНСКИХ» В НЮРБИНСКОМ УЛУСЕ Иванова Алена Ивановна Иванова Елена Никоновна	26
Секция 2. Языкознание	33
2.1. Русский язык. Языки народов Российской Федерации	33
ОРНИТОНИМЫ ЛАГЪА «ГОЛУБЬ», ЛАЧИН «СОКОЛ», ТИУМА «СОВА» В ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА Гаджиалиева Марьям Гусеновна	33
СПЕЦИФИКА ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА Попова Екатерина Викторовна	38

2.2. Германские языки	42
МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВУХЗОННЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ ОТ ГЛАГОЛОВ ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ Демешко Инна Николаевна	42
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ЖИТЕЛЕЙ СТРАН И КОНТИНЕНТОВ Тонкова Елена Георгиевна	52
2.3. Германские языки	56
СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕМПОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ Голубева Татьяна Ильинична Пошивайло Сергей Павлович	56
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В СВОБОДНЫХ РИТМАХ Ф. КЛОПШТОКА, Ф. ГЕЛЬДЕРЛИНА И Р. М. РИЛЬКЕ Гончарова Мария Вячеславовна	64
«НЕРОВНЫЙ СТИЛЬ» В СВОБОДНЫХ РИТМАХ Ф. ГЕЛЬДЕРЛИНА Гончарова Мария Вячеславовна	67
РОЛЬ АЛЛЮЗИИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ Кропачева Ксения Игоревна	70
ВАРИАТИВНОСТЬ НА ГРАФОФОНОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫХ ВАРИАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В ПОДСИСТЕМЕ СОГЛАСНЫХ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕНИЖНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ЖИВОТНОГО ЭПОСА «РЕЙНКЕ ЛИС» (РОСТОК, 1539) Цапаева Сабина Юрьевна	73

2.4. Теория языка	85
КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В КАЗАХСКИХ ДИСКУРСАХ Амирбекова Айгуль Байдебековна	85
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ РЕЧЕВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СПОРТЕ Морозов Евгений Александрович	89
РОЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В РАСКРЫТИИ ТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА Осипова Ирина Анатольевна	95
АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ДИАЛОГА В РАБОТАХ М. М. БАХТИНА И ИХ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ Труфанова Ирина Владимировна	99

СЕКЦИЯ 1.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

1.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ВУЗЕ (СТАТЬЯ ЧЕТВЁРТАЯ)

Гаврилова Екатерина Сергеевна

канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВПО «Орёл ГАУ», г. Орёл

E-mail: ka_bul82@mail.ru

*(Опыт проведения лекционно-практического занятия
по культурологии на тему «Взаимодействие культур.*

*Язык и символы культуры» со студентами экономического
факультета ФГБОУ ВПО «ОрёлГАУ»)*

В современном вузе постоянно к апробированию предлагаются качественно новые формы обучения. Суть лекционно-практических занятий — в совместном сотворчестве преподавателя и студентов, в соединении классической формы подачи материала с активными методами обучения [1]

«Интерактивное обучение — это способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности обучающихся: все участники образовательного процесса взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия коллег и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблем» [3; 99].

Тема «Взаимодействие культур. Язык и символы культуры» традиционно считается одной из самых дискуссионных в курсе изучения культурологии. В условиях развития современного общества проблема гармоничного диалога культур и межкультурной коммуникации представляется важной для осмысления и обсуждения.

Организационный план занятия

1. Роль языка в развитии культуры

Язык — зеркало культуры, в нем отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

Язык — сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности — в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи.

С. Г. Тер-Минасова.

Язык и межкультурная коммуникация

1.1. Термины, события, персоналии

Язык, картина мира, трансляция культуры

1.2. Вопросы к докладчику

1) Назовите функции, которые выполняет язык в развитии общества и культуры

1.3. Вопросы для самоподготовки

Какую роль сыграл язык в развитии культуры?

1.4. Творческие задания

1. Сделайте презентацию «*Мода как знаковая система*», наглядно демонстрируя на основании развития индустрии красоты преемственность как ключевую закономерность исторического развития культуры

2. Подготовьте наглядное сообщение/плакат «*Культура техники*», где на примере технического развития можно проследить, что смена поколений всегда происходит в рамках двух тенденций: сохранения традиций и новаторства.

2. Виды и функции языков культуры. Коммуникация

В слове — начало

Д. И. Менделеев

2.1. Термины, события, персоналии

Язык культуры, коммуникация

2.2. Вопросы к докладчику

- 1) Какие вы знаете виды языков культуры?
- 2) Назовите виды коммуникации.
- 3) Каковы трудности, возникающие при трансляции культурной информации?

2.3. Вопросы для самоподготовки

1. Какую роль сыграл язык в развитии культуры?
2. Расскажите о типах языков и видах знаков и знаковых систем
3. Подготовьте сообщения о видах невербальной и массовой коммуникации:
 - молчание как феномен культуры и коммуникации (концепция В. Н. Базилева)
 - поэтическая коммуникация (концепция С. Ф. Гончаренко);
 - театр как способ коммуникации (концепция Л. Б. Логунова);
 - выставки как средство коммуникации (концепция О. Е. Петрунина);
 - военные коммуникации (концепция В. П. Беркут);
 - музыкальная коммуникация (О. Е. Петрунина)

2.4. Творческие задания

1. Подготовьте презентации «Фламенко в Испании», «Искусство экибаны», аргументирующие и возможность действенной передачи информации не вербально, и показывающие специфику культурного кода в целом

2. Расскажите о видах пластической невербальной коммуникации (на примере балета — особого искусства, где, в отсутствие живых слов, основная идейно-смысловая направленность действия передается за счет выразительности движений, мимики, танцев)

В балете Л. Минкуса «Баядерка» основная — тема жертвенного подвига во имя чести и любви. Способность любить и быть верным данному слову, блюсти свою честь — определяющие человеческие качества.

На основании нравственного анализа системы действующих лиц балета «Баядерка» можно говорить о центральной идее представления — жертвенном подвиге главной героини, баядерки Никии. Ее смерть — это, по сути, «песнь торжествующей любви». Танцует для своей соперницы Ганзатти сакральный танец посвящения в невесты, ужаленная змеей, Никия погибает. Но остается верной своей

любви и не принимает противоядия, предложенное ей влюблённым в неё Великим брамином в ответ на будущую взаимность со стороны девушки. Верность клятве, данной баядеркой воину Солору, — несокрушима. Даже на смертном одре Никия не нарушает обещания, оставаясь неизменной в своей цельности. Зрителя впечатляет, что всепоглощающая тема любви баядерки так ярко показана лишь разнообразными формами танца и поэтическими образами музыки. Действительно, без слов, лишь пластикой артисты балета раскрывают перед зрителем богатство открываемого внутреннего мира своих героев, демонстрируя удивительную тонкость психологического проникновения в образ.

«Торжественные выходы жрецов, красочные шествия многочисленных участников празднеств, эффектный дивертисмент со знаменитым "индусским танцем" — всё это создает особую атмосферу действия, и, как будто отягивая драматургически важные моменты, на самом деле контрастно оттеняет и выгодно подает другие эпизоды, где главное — сосредоточенность на внутреннем мире героев, разработке психологических характеристик и нюансов» [4].

3. Знаки и символы. Культурные коды

Язык символов есть истинный, всемирный, всечеловеческий язык, одинаково справедливый для всех времен и народов

В. Шмаков

3.1. Термины, события, персоналии

знак, символ, культурный код

3.2. Вопросы к докладчику

- 1) Охарактеризуйте специфику определения знака и символа в культуре
- 2) Что такое закодированная культурная информация?

3.3. Вопросы для самоподготовки

- 1) Расскажите о взглядах русского культуролога и философа Ю. М. Лотмана на проблему человеческого общения
- 2) Какую роль в сохранении символической информации играют искусство, религия и этика?
- 3) Вспомните пословицы о силе и значимости слова

3.4. Творческие задания

1. Прослушав аудиокнигу Д. Брауна «Код да Винчи», расскажите о символической специфике произведения

2. Подготовьте презентационный проект «Знаки Зодиака» (история, мотивация названия, тематические группы; сакральные религиозные номинации)

Опыт проведения лекционно-практических занятий по тематике гуманитарных циклов доказывает, что урок — лишь начало размышлений. С давних пор символы и зашифрованное в них древнее сакральное знание манят человечество. И если раньше это было тайное знание, охраняемое от посторонних, известное лишь жрецам и служителям культа, то теперь, с ростом информационных технологий, мы как никогда близки к разгадке.

«Всплеск интереса к символам в современном мире многие считают показателем возрождения духовных потребностей людей... Символы служат указателями и помогают лучше понять окружающий мир, а значит, жить в гармонии с ним. И сейчас самое время выявить новый смысл классических символов, которые, возникнув в необозримой дали веков, сохранили свое значение до наших дней» [5; 11]

4. Механизмы межкультурной коммуникации.

...формирование лингвокультурологической компетенции связано с познанием культуры русского народа в диалоге культур ...

Н. А. Мишатина

4.1. Термины, события, персоналии

Межкультурная коммуникация, интеграция, ассимиляция, аккультурация

4.2. Вопросы к докладчику

1) Продемонстрируйте разницу между такими формами межкультурной коммуникации, как интеграция, ассимиляция и аккультурация.

2) Каковы социокультурные особенности межкультурного общения? Как связаны мораль и коммуникация?

4.3. Вопросы для самоподготовки

1) Возможен ли культурный диалог в современном обществе? Война — форма коммуникации?

2) Как связана глобализация и национальная культурная самобытность с идеей гармоничного межкультурного диалога?

3) В чем суть концепции А. В. Сурина относительно использования коммуникации в условиях кризисных ситуаций?

4.4. Творческие задания

1. Подготовьте сравнительный презентационный проект «Культура античности: Мифы Древней Греции и Древнего Рима (пантеон богов)». В какой конкретно форме происходила коммуникация этих двух великих культур?

2. Подготовьте наглядное сообщение «Пути решения глобальных проблем в системе «человек» — «человек», связав свои предложения по урегулированию конфликтов с идеей гармоничного межкультурного диалога.

Центральная идея занятия «Взаимодействие культур. Язык и символы культуры» — в определении «самобытности, уникальности русского языка, его богатства на фоне сопоставления с другими культурами и языками» [2; 12]

Список литературы:

1. Е. С. Булгакова. Особенности преподавания культурологии в вузе (статья третья) // Мировоззрение в контекстеп современной культуры (коллективная монография). — Орёл: ООО «Картуш», 2011. — 224 с. — ISBN 978-5-9708-267-0. — С.63—68
 2. Е. А. Быстрова. Культуроведческая функция русского языка в системе его преподавания // Обучение русскому языку в школе. — М., 2004. — 136 с.
 3. Н. Н. Егорцева. Коммуникативно-речевая игра как интерактивный метод обучения студентов // Русский язык в школе. — 2009. — №5. — С. 98—103
 4. А. Соколов-Каминский. Статья о балете reserve.sp.ru/opera/spectacl/r_bayaderka.htm
 5. Энциклопедия символов/ сост. В. М. Рошаль. — М.: АСТ; Спб.: Сова, 2008. — 1007 с. — ISBN 978-5-17-031665-6. — тираж 15000 экз. — С. 11
- Средства наглядности

1. Аудиокнига Д. Брауна «Код да Винчи»
2. Балет Л. Минкуса «Баядерка»
3. Иллюстративные карточки «Символы»
4. Презентационные проекты «Культура техники», «Знаки Зодиака»

РИЗОМОРФНАЯ СТРУКТУРА СЕТИ ИНТЕРНЕТ: КОММУНИКАТИВНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Понкратова Александра Петровна

аспирант ГАСК, г. Москва

E-mail: alkestis@mail.ru

Широкое распространение информационных технологий указало вектор развития и пути трансформации социокультурного пространства современности. Доминирующая в социуме иерархическая структура, включающая в себя совокупность институтов, выстроенных в определенном порядке, под влиянием сети Интернет и возможности доступа к огромным ресурсам информации без ограничения во времени и пространстве, подвергается деформации — из лестницы она превращается в Сеть. Таким образом, можно говорить о формировании сетевой организации общества.

Трансформация иерархических структур социума происходит по принципу организации ризомы (фр. rhizome — корневище). Термин ризома был заимствован Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [2] из ботаники, где он означал определенное строение корневой системы, характеризующейся отсутствием центрального стержневого корня, и состоящей из множества хаотически переплетающихся, периодически отмирающих, регенерирующих и развивающихся во всех направлениях побегов. В широком смысле образ «ризомы» служит иллюстрацией современного мира — децентрализованного, хаотичного и антисимметричного.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари выделили ряд принципов организации ризомы-корневища, которые помогут нам показать происходящие трансформации, связанные с распространением информационных технологий и прежде всего Интернета. Первый принцип — это «связь и гетерогенность». Ризома не имеет исходного пункта развития, она децентрирована и антииерархична по своей природе. Все её точки должны быть связаны между собой, независимо от их роли и положения, они должны иметь одинаковые условия. При сетевой организации общества этот принцип выражается в возможности взаимодействия любого субъекта с любым другим.

Второй принцип — это принцип «множественности нервных волокон», когда важны не точки контакта, а линии соединяющие точки. Это проявляется в абсолютизации коммуникации как основы сети Интернет, где существует бесконечное количество различных путей, которые производят сами себя. Ведь именно линии связи делают сеть глобальным пространством, а не отдельно стоящими машинами.

Третий принцип ризомы — это «незначущий разрыв» — корневище может быть разорвано в любом месте, но, несмотря на это,

оно возобновит свой рост либо в старом направлении, либо выберет новое. В сети этот принцип проявляется в практически невозможной изоляция какой-либо её части.

Четвёртый принцип — «картография и декалькомания». Согласно которому, ризома — это не механизм копирования, а карта с множеством входов, по своей природе открытая, подвижная, переворачиваемая и восприимчивая к изменениям. Рисунок на карте никогда не может считаться окончательным — он постоянно меняется, как и меняется сама действительность. Карты могут существовать независимо от того, существует ли что-либо вне карты. То есть карта, в противоположность кальке, не репродуцирует реальность, а экспериментирует, вступает с ней «в схватку». Подобно ризоме Интернет — это принципиально незаконченная, неиерархическая, динамично развивающаяся система, в которой непрерывно происходят процессы изменения [4].

Ризоморфная конструкция Интернета влияет на социальные отношения, выстраиваемые вокруг глобальной сети, способствует формированию в обществе сетевых, децентрализованных структур. Интернет трансформирует представления о пространстве и времени, расширяет коммуникационное пространство, меняет характер трудовой деятельности и обучения.

Один из теоретиков информационного общества — Мануэль Кастельс, непосредственно связывал появление компьютерных сетей с формированием новой социальной структуры. Новое информационное (термин М. Кастельса) общество (как и любое другое новое общество), по его мнению, возникает, «когда (и если) наблюдается структурная реорганизация в производственных отношениях, отношениях власти и отношениях опыта. Эти преобразования приводят к одинаково значительным модификациям общественных форм пространства и времени и к возникновению новой культуры [6, с. 496]. Социальной формой же, отображающей в себе саму сущность информационной эпохи является Интернет, представляющий собой не только информационную технологию, но и играющий роль технологического базиса для организационной разновидности новой эпохи — Сети, как совокупности связанных между собой узлов [5]. Так же Интернет — это коммуникативный медиум, который открыл доступ к общению людей между собой без временного и географического ограничения. С его помощью человек может принять на себя сразу несколько ролей — он может быть одновременно создателем, потребителем, критиком текстов, образов и звуков.

Выше уже упоминалось, что информационные технологии трансформируют наше представление о времени и пространстве. Одной из существенных характеристик современной темпоральности выступает отсутствие единого социального времени, исчезновение

солидарности его понимания. Так же можно говорить о тенденции к «потери чувства места», которая непосредственно связана с изменениями в способах трансляции информации и в самих информационных технологиях [9, с. 197]. Прекрасной иллюстрацией данного процесса служит работа Мартина Хайдеггера, где он говорит об очевидном стирании понятий близости и дальности перед лицом технологического преобразования мира: «Все временные и пространственные дали сжимаются. Куда раньше человек добирался неделями и месяцами, туда теперь он попадает на летающей машине за ночь. О чем в старину он узнавал лишь спустя годы, а то и вообще никогда, о том сегодня радио извещает его ежечасно в мгновение ока. Созревание и цветение растений, сокровенно совершавшиеся на протяжении времен года, киноплёнка демонстрирует теперь публично за минуту. Далёкие становища древнейших культур фильм показывает так, словно они прямо сейчас расположились посреди людной площади. Кино засвидетельствует показываемое вдобавок еще и тем, что дает попутно увидеть съемочный аппарат и обслуживающего его человека за работой. Предел устранения малейшего намека на дистанцию достигается телевизионной аппаратурой, которая скоро пронизет и скрепит собой всю многоэтажную махину коммуникации...» [8]. Сам Хайдеггер, рассматривает тенденцию потери места как следствие не отдельной технологии, а определенной общей тенденции («сущности»), которая находится в ядре технологий и современности как таковой.

Таким образом, данная тенденция позволяет говорить о разделении местоположения и социальности, вследствие чего образовались новые модели социальных отношений, которые больше не основаны на территориальных связях, т.е. сеть заменяет место в качестве основы социальности. Новые средства коммуникации способствуют расширению наших тел вовне, изменяют привычное соотношение чувств и открывают человеку воспринимаемый по-новому мир.

Изменения коснулись и сферы образования, точнее процесса обучения. Это связано с тем, что большая часть специальной информации, как правило, устаревает за очень короткий период. Временной интервал между процессами обучения сводится до минимума, в результате чего мы становимся участниками данного процесса посредством производства — действительной обратной связи между распространением технологии и её совершенствованием. Среди необходимых качеств человека выделяется умение принимать решения в отношении того, что именно нужно искать, как искать, как обрабатывать и как использовать найденное, чтобы суметь выполнить задачу, побудившую к поиску информации. Таким образом, новая форма обучения ориентирована на выработку умения трансформировать информацию в знания, а знания в действия. Причём это умение

будет важной характеристикой профессиональной деятельности: «Распоряжение информацией уже входит и будет входить в обязанности экспертов всех видов» [7, с. 42]. Сведения о том, как связать разнородную информацию (метаинформация) становятся самыми ценными. По мнению еще одних теоретиков информационной эпохи, А. Барда и Я. Зодерквиста, в будущем образование будет характеризоваться интерактивностью и прагматизмом. Оно будет осуществляться посредством Интернета в виде небольших, тщательно адаптированных под конкретную задачу, модулей. Правила будут определять сами студенты, а не университеты. Трудоустройство же перестанет быть пожизненным, и стаж работы уже не будет иметь первостепенного значения.

А. Барду и Я. Зодерквисту принадлежит концепция социального пространства Сети, которое они представляют в виде мемов (мем — единица передачи культурной информации, например, идеи, крылатые выражения, мелодии и т. д. [3]) вокруг которых формируются кластеры различных размеров. Социальная тождественность людей основывается на принадлежности определенным кластерам. Стержнем парадигмы является мем, вокруг которого образуется самый большой кластер в каждый фиксированный момент времени. Примером такой социальной организации при феодализме является монарший двор — кластер, а его мем — это институт монархии или феодальный кластер — церковь, которая формируется вокруг мема религии. Среди наиболее важных кластеров капитализма можно выделить торговлю, а банки и фондовые рынки выступают в качестве её мемов, и аппарат государственной власти, формирующейся вокруг мема выборной демократии, а также академическая сфера, основа которой является мем науки. Мемы всё время вынуждены модифицироваться, постоянно происходит прорастание новых мемов из старых, одни умирают, другие адаптируются и воссоздают себя заново. По мнению А. Барда и Я. Зодерквиста в информационном обществе роль наиболее влиятельного мема будет отдана тому, что можно представить как «узел в рыбацкой сети», некий портал власти (подобно Интернет порталу), связующее звено во всеобъемлющей сети. Вокруг этого звена сформируется важнейший кластер информационной парадигмы — Нетократическая сеть [1].

Остановимся подробнее на нетократической системе, которую нам предлагают А. Бард и Я. Зодерквист. Мир представляется им в виде «единой всеобъемлющей органической сети», в которой роль узлов играют кластеры генов и мемы. Одной из центральных фигур является этерналист, мыслитель по своей природе, толкователь. Своё название он получил от идеи бесконечного становления Ф. Ницше, от английского eternal. По представлению этерналиста все живые создания, гены, мемы и кластеры имеют точку отсчёта — сингулярность,

периодически происходит появление новых сингулярностей и сложных систем. Другая категория нетократов — это нексалисты (от латинского *nexus*, связанные вместе), которые находятся в узлах сети. Связующим звеном между описанными выше категориями нетократов выступает третья — кураторы, которые являются наиболее могущественными, так как обладают правом накладывать наказание и приводить приговор в исполнение. Они направляют нексалистов под воздействием взгляда, сформированного этерналистами. Эти три категории являются китами, на которых стоит нетократическое общество. Если проводить параллели с капиталистическим обществом, то получается, что кураторы приходят на место политиков, нексалисты предпринимателей, а этерналисты заменяют ученых.

Таким образом, нетократия занимает места нового правящего класса, а роль потребительского класса отводится консьюметариату, который оказывается заключенным в сеть неограниченного потребления регулируемого свыше. Социальный статус человека же определяется его членством в Сети и этот статус постоянно меняется в зависимости от обстоятельств и с течением времени. При этом представители консьюметариата в основном входят в наименее привлекательные сети, полные информационного мусора. Нетократы же образуют сети высших уровней, в которых концентрируется власть и влияние.

А. Бард и Я. Зодерквист говорят так же о феномене нетократической глобализации как о социальном. Он основан на возможностях коммуникации, которые стали доступны посредством новых технологий, и контакта между различными культурами через огромные расстояния. Для осуществления этого процесса необходим универсальный язык, роль которого сейчас и играет технический английский. Таким образом, можно говорить о том, что Интернет способствует формированию общей для всего человечества памяти как основы глобального характера коммуникации.

Список литературы:

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. — СПб., 2004. — 252 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. — Екатеринбург, М., 2010. — 895, [1] с.: ил.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. — М., 1993.-317 с.
4. Емелин В. Глобальная сеть и киберкультура. Ризома и Интернет. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://emeline.narod.ru/rhizome.htm> (дата обращения: 02.11.2011).
5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург, 2004. — 328 с.

6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М., 2000. — 608 с.
7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. — М., СПб.: 1998. — 160 с.
8. Хайдеггер М. Вещь // М. Хайдеггер Время и бытие: Статьи и выступления. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/bytie.txt> (дата обращения: 02.11.2011).
9. Malpas J. New Media, Cultural Heritage and the Sense of Place: Mapping the Conceptual Ground. / International Journal of Heritage Studies. — Vol.14 — № 3 — May 2008.

«200-ЛЕТИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ». PR СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТА

Розина Ирина Валерьевна

*кандидат филологических наук, зав. отделом
Всероссийского музея А. С. Пушкина,
г. Санкт-Петербург
E-mail: liceumspb@mail.ru*

В социально-экономических условиях современного российского общества для гуманитарной сферы крайне важным является сохранение культурного наследия нации. В то же время, актуализируются проблемы освоения и внедрения инновационных форм и технологий взаимодействия с общественностью, властью, коммерческими структурами. Переосмысление накопленного опыта, использование новых механизмов и принципов коммуникаций, активизация в современной разнородной информационной среде — эти вопросы приходится решать культурологам и PR-специалистам в процессе инициирования и реализации масштабных социокультурных проектов.

В 2011 г. Россия отметила 200-летие со дня основания Императорского Царскосельского Лицея. Расположенный в пригороде Санкт-Петербурга — Царском Селе (ныне г. Пушкин), Лицей создавался как учебное заведение нового типа для воспитания юношества, «особо предназначенного к важным частям службы государственной». Императорский Царскосельский (Александровский) Лицей воспитал для России выдающихся государственных деятелей и высокопоставленных чиновников. Среди его выпускников 46 членов Государственного Совета, 74 сенатора, 24 посла и посланника, 29 консулов, губернаторы, члены правительства, министры [3, с. 5]. Выпускником Лицея был великий русский поэт А. С. Пушкин.

Из Лицея не выходил математик или юрист, филолог или естествовед. Лицеист получал энциклопедическое образование; «приобретал широкое гуманистическое мировоззрение, уважение к личности независимо от сословного состояния человека» [2, с. 21]. Императорский Царскосельский Лицей на фоне учебных заведений того времени отличался независимостью и сохранением особенного характера. В Лицее парил дух настоящего товарищества и лицейского братства, соединивший его воспитанников и выпускников узами сочувствия, уважения и дружбы.

Календарь юбилейных событий в 2011 г. был насыщен зрелищными действиями, интерактивными акциями, научно-просветительскими мероприятиями, концертными и театрализованными программами. Федеральное государственное учреждение культуры Всероссийский музей А. С. Пушкина, в состав которого входит Мемориальный Музей-Лицей, подготовил большую программу мероприятий и акций для различных аудиторий — дети и юношество, учащаяся молодежь, среднее и старшее поколение. Юбилейные торжества приглашали зрителей в Санкт-Петербург и г. Пушкин: театр под открытым небом «Вы помните: когда возник Лицей!...», премьера видеофильма «Да здравствует лицей!», концерт «Музыка Царского Села», литературный бал «Евгений Онегин», поэтический фестиваль «Друзья мои, прекрасен наш союз!», марафон творческих коллективов образовательных учреждений, интерактивные экскурсии. Стихи А. С. Пушкина звучали в эти дни и на станциях петербургского метрополитена.

Ценностно-ориентационные акции (воспитательного и идеологического характера) были нацелены на корректировку ценностных ориентаций определенных социальных групп (учащаяся молодежь, дети младшего и среднего школьного возраста и т. п.) и привлечение внимания широких слоев общественности.

В информационную эпоху, когда значимую роль играют имидж-стратегии и PR-технологии, средства коммуникации и СМИ, особую актуальность приобретает гуманитарное информационное партнерство. Свообразным стартом лицейских торжеств стала пресс-конференция «Как Петербург отметит 200-летие Императорского Царскосельского Лицея». На многочисленные вопросы журналистов региональных и федеральных СМИ ответили представители исполнительной власти города, деятели культуры и искусства.

Юбилей Лицея превратился в общенациональный государственный праздник. На официальные торжества съехались потомки А. С. Пушкина и лицеистов из России, Бельгии, Франции, Великобритании, Австрии, США. 19 октября в торжественной церемонии «Лицея день заветный» приняли участие представители исполнительной и законодательной власти РФ и Санкт-Петербурга,

руководители крупнейших музеев России, деятели культуры и искусства, студенты и школьники.

Социально-культурное взаимодействие и PR проекта «200-летие Императорского Царскосельского Лицея» предполагали использование наиболее эффективных приемов коммуникаций и убеждений, влияний и мотиваций. В процессе подготовки и реализации были использованы информационные площадки социальной и коммерческой рекламы в Санкт-Петербурге и г. Пушкин, ресурсы социальных сетей Интернет, серия специальных акций и мероприятий для СМИ и партнеров проекта.

PR-кампания учитывала специфику медиатизации социокультурной среды. На торжества, посвященные 200-летию Царскосельского Лицея, были аккредитованы все крупнейшие печатные и электронные федеральные и региональные СМИ, межгосударственные каналы вещания, корпункты международных информагентств. Мероприятия проекта были широко освещались в региональных, федеральных, электронных и печатных СМИ, официальном портале Министерства культуры РФ, официальных сайтах и порталах органов федеральной и региональной исполнительной и законодательной власти, *на официальных информационных площадках НКО, бизнес-сообществ, благотворительных и общественных организаций; опубликованы в региональных информационно-методических сборниках; итоговые материалы приняты к публикации в корпоративных СМИ, федеральных иллюстрированных журналах и общественно-политических, профессиональных и научных изданиях.*

Современные учреждения культуры и образования в России — наследники и продолжатели отечественной социокультурной традиции. Реклама и PR-инструментарий гуманитарной сферы нередко используют классическую культурную парадигму, устоявшиеся ритуалы и сложившиеся нормы. Один из распространенных и действенных приемов PR в социокультурной сфере — театрализация пространства, событийного ряда. Праздничный день лицейской юбилейной годовщины продолжился по особому сценарию массового интерактивного действия: костюмированное театрализованное представление, выступление военного духового оркестра, дефиле в исторических костюмах, театрализованные интермедии, шоу барабанщиц, выступление ансамбля «Виват, Россия».

Создание виртуальных и мультимедийных ресурсов — одно из направлений PR-деятельности. Возникновению, развитию и традициям Лицея посвящены специальные тематические виртуальные ресурсы, презентации новых выставок и изданий. Отметим, что новые мультимедийные носители информации, электронные ресурсы проекта «200-летие Императорского Царскосельского Лицея» необходимо

рассматривать не как хрестоматию цитат или ссылок, а как цельный и органичный художественный мир, части которого приобретают смысл лишь в единстве и соотношении с целым.

Культура последних десятилетий становится не просто зрелищной и визуальной: она рассчитана на существование в экранных формах. Истории Царскосельского Лицея посвящают фильмы и книги, статьи и исследования. О нем снимают культурно-просветительские передачи и сюжеты на ТВ, пишут блогеры, публицисты, журналисты, культурологи. При участии Всероссийского музея А.С. Пушкина, в преддверии юбилея был создан документальный фильм «Когда возник Лицей...». Фильм создан при поддержке Министерства культуры Российской Федерации Кинокомпанией «Кинор». Блестящая плеяда лицеистов первого, так называемого «пушкинского выпуска», А. М. Горчаков, С. Г. Ломоносов, Ф. Ф. Матюшкин, И. И. Пущин, В. Д. Вольховский, В. К. Кюхельбекер, А. А. Дельвиг, К. К. Данзас, учителя и наставники Лицея — главные герои нового фильма.

Инновационные социокультурные проекты и PR-акции, посвященные истории Императорского Царскосельского (Александровского) Лицея, поддерживаны грантами Фонда «Русский мир», Президента Российской Федерации; Правительством Санкт-Петербурга, Федеральным агентством Россотрудничество, Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ, Министерством культуры Российской Федерации.

Всероссийский музей А. С. Пушкин сотрудничает с бизнес-структурами, известными компаниями и издательствами. К юбилею Лицея Императорский фарфоровый завод изготовил сувенирные чашки, фирма «Федерация» подарила сувенирные наборы, а издательство «Vita Nova» — факсимильное воспроизведение рисунков лицеистов. Продолжается традиция выпуска памятных юбилейных медалей и специального гашения почтовыми штемпелями юбилейных конвертов. К 200-летию юбилею Лицея на Санкт-Петербургском монетном дворе отчеканены медали из томпака. Дополнительно были выпущены медали из серебра. Памятные медали были вручены почётным гостям и всем оказавшим содействие в подготовке к юбилею. Кроме того, изготовлено 200 серебряных значков с изображением герба Царскосельского лицея.

Традиции живут, пока они востребованы, пока сохраняется равновесие между интенсивным развитием инновационных технологий и устоявшимися социокультурными смыслами, универсальной формой и новым форматом, индивидуализмом и интерперсональностью. Развитие науки и техники, по определению Ю. М. Лотмана, открывает перед нами разные двери, и «Двадцать первый век может

оказаться огромной казармой, может оказаться новым Ренессансом» [1, с. 180].

Знаменитый лицейский девиз «Для общей пользы» сегодня обрел новое звучание. Время не отдаляет и не отделяет от нас культуру прошлого. С блистательными именами великих русских писателей, мыслителей, художников, философов, общественных деятелей мы вошли в динамичную эпоху информационного общества. От того, как мы будем использовать все возможности современной глобальной коммуникативной среды зависит и наше будущее.

Список литературы:

1. Лотман Ю. М. Воспитание души. — СПб.: Искусство-СПБ, 2005. — 624 с.
2. Михайлова Л. Б. Царскосельский Лицей и традиции русского просвещения. — СПб.: СПб. философское общество, 2006. — 256 с.
3. Некрасов С. М. Вст. статья // Лицейская энциклопедия. Императорский Царскосельский Лицей (1811—1843). — СПб.: Logos, 2010. — 520 с.

РОК-МУЗЫКА-ЯВЛЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО ПЛАСТА» ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Явтушенко Юлия Олеговна

аспирант НГГУ, г. Нижневартовск

E-mail: Yavtushenko2012@yandex.ru

Культурологический подход к изучению музыки, базирующийся на идее ее органичного существования в системе культуры, предполагает рассмотрение явлений музыкальной практики в этно-историческом, социокультурном, ОБРАЗНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ, ОРГАНИЗАЦИОННО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ, стилистическом аспектах, а также в плане их взаимодействия с самосознанием музыкальной культуры — Э. Алексеев, Б. Асафьев, Л. Закс, М. Каган, А. Сохор и др. [1, с. 11; с. 100]. Как правило, по этим признакам весь круг ЯВЛЕНИЙ МУЗЫКАЛЬНОГО искусства дифференцируется на две сферы: произведения индивидуального авторского профессионального творчества и образцы коллективного творчества устной традиции (фольклор).

В характеристике феномена «третьего пласта» культуры наиболее существенны два аспекта, выделенные В. Прокофьевым: 1) признание его «в качестве самостоятельного, особого слоя в системе искусства, в

качестве «третьей культуры»); 2) определение зоны его существования «в изменчивых и зыбких, но всё же уловимых границах между фольклором и учено-артистическим профессионализмом...» [5, с. 78]. Учитывая основной круг работ, посвященных исследованию названного явления в разных сферах художественного творчества — живописи, музыке, литературе, театре, — можно обозначить более широкий спектр его признаков: а) сосуществование в рамках единого социокультурного пласта принципов фольклорного и авторского профессионального творчества; б) эклектичное смешение различных художественных традиций; в) установка на использование «чужого текста» как собственного.

Попытаемся взглянуть на рок-музыку сквозь призму перечисленных выше черт «третьей культуры».

Общеизвестно, что рок как самостоятельное музыкальное направление сформировался на Западе и ко времени появления российской рок-музыки уже имел состоявшуюся историю. Отечественная молодежь сначала лишь слепо копировала западных кумиров, затем стала вырабатывать собственные модели альтернативного существования, предлагать трактовки уже опробованных на Западе жанров и направлений рок-музыки (рок-н-ролл, панк-рок, новая волна и др.). Таким образом, зарубежный рок по праву можно считать главным истоком отечественной молодежной музыки. В композициях российских неформалов он предстал в «бытовом» варианте, воплотившем дилетантские представления о жанрах и стилях рок-музыки.

Другими важнейшими истоками российского рока выступают сферы «третьего пласта» отечественной культуры: жанрово-исполнительские комплексы скоморошеского творчества и городского бытового музицирования.

По словам А. Фаминцына, «скоморошество» — явление, общее всем европейским народам в средние века; скоморохи — преемники греко-римских мимов, народных потешников, подвизавшихся частью на сцене или просцениуме театра, частью на пирах и попойках, на улицах. Откуда бы ни пришло в Россию искусство скоморохов, но уже в XI веке оно оказывается привитым и укоренившимся в обиходе народной жизни русской; с этой поры оно может быть рассматриваемо как явление, на русской почве вполне акклиматизировавшееся и принявшее здесь самостоятельное развитие. Скоморохи — древнейшие биение производит опьяняющее воздействие, порождает внутреннюю раскованность.

К числу явлений «третьего пласта» русской культуры, непосредственно повлиявших на становление отечественного рока, относится и сфера городского дилетантского музицирования (городской романс рубежа XVIII—XIX вв., цыганский романс, «бардовская» песня, жанр

театрализованного музыкально-поэтического монолога А. Вертинский, В. Высоцкий и др. Впервые на промежуточное положение демократического музицирования русского города между крестьянской песенной культурой и западноевропейским музыкальным творчеством как двумя притягивающими и излучающими интонации центрами обращает внимание Б. Асафьев [2, с. 5—9]. Секрет популярности городского любительского музицирования ученый объясняет «присутствием всем знакомых оборотов, а не новизной их...» [2, с. 60].

В плоскости ведущих творческих принципов российская рок-музыка обнаруживает типологическое родство с традиционным фольклором, с одной стороны, а также классическим и современным профессиональным искусством — с другой.

Определяющую роль в формировании и функционировании молодежного братства, как и традиционной общины, играет социальная среда. Известно, что в крестьянской культуре традиции каждой социальной группы населения при наличии общезнаковых черт отмечены и специфическими особенностями. Сходным образом в молодежной среде идеологическая и художественная ориентация, выбор одежды и символики во многом определяются принадлежностью молодых людей к той или иной социальной группе населения.

Традиционную художественную систему и современную молодежную тусовку типологически сближает и устная форма передачи образцов художественного творчества. Общим для рассматриваемых систем оказывается также распространение рукописных «песенников» (тетрадок с переписанными от руки текстами песен без музыки, нередко с буквенными обозначениями аккордов). При доминировании устной передачи фольклора в молодежной «системе» в письменных вариантах ходят по рукам листки со стихами, рассказами, манифестами. Таким образом, если в фольклоре преобладает устная трансляция информации (письменные «песенники» существуют лишь для сохранения в памяти песенных текстов), то для молодежной «системы» характерна смешанная ее форма, сочетающая непосредственную устную передачу «системного» фольклора с «опосредованной» (аудиозаписями наиболее популярных групп и исполнителей).

Неотделимы от фольклорных традиций и рок-кумиры, в целом ориентированные на модели профессионального искусства. Как и все неформалы, они пользуются «системным» сленгом (в быту и в художественных текстах), обращаются в своем творчестве к фольклорным жанрам (в частности, к частушке, инструментальным наигрышам). Таким образом, обозначенные параллели свидетельствуют о наличии глубинных типологических связей между отечественным роком и

традиционной культурой. В то же время каждая из этих сфер обнаруживает индивидуальные черты в преломлении общих принципов.

Вторая составляющая рок-музыки — сфера профессионального художественного творчества. С ней соотносится прежде всего искусство лидеров «системной» молодежи, в своей деятельности сумевших оторваться от быта и создать художественно ценные произведения. В арсенале рок-лидеров есть средства выразительности, воспринятые ими из музыкальной классики. Однако основные искания рок-музыкантов находятся в русле двух направлений современного искусства — принципами профессионального андеграунда и тенденциями постмодернизма.

Одним из главных качеств культуры постмодерна исследователи считают осознанное стремление к диалогу, осуществляемому на содержательном и формальном уровнях. Этот диалог имеет, как правило, игровой, ироничный и даже ернический характер, что не мешает ему в ряде случаев подниматься к высотам религиозного сознания [4, с. 7]. Не прибегая к подробному анализу явления постмодернизма (это потребовало бы отдельной работы), попытаемся на основе известной нам литературы выделить те его свойства, которые совпадают с чертами художественного творчества неформальной молодежи.

1. Концептуальная вторичность, цитатность и ценностность — эти признаки постмодернизма характерны, к примеру, для творчества Б. Гребенщикова, в чей адрес постоянно поступают обвинения в плагиате.

2. Творческая ориентация на пародию как оптимальную для постмодернистской эстетики форму. В качестве объектов пародирования чаще всего выступают жанры советской массовой и эстрадной песни также конкретные произведения академической музыки.

3. Постмодернистский принцип смешения знаков «высокой» культуры и «низовых» жанров (заметим — тождественный смеховому приему «совмещения несовместимого»). Таковы контрапунктическое проведение «Болеро» М. Равеля и кавказской лезгинки в песне «Сиреневый платочек» группы «Ботва»; соединение «Шутки» И. С. Баха и мелодии В. Токарева в композиции «Ответ В. Токареву» той же группы и др.).

4. Комментаторство и автодокументирование. Примерами подобного рода пестрит весь отечественный рок-самиздат, на страницах которого звезды российского рок-н-ролла философствуют, комментируют собственные песни, создают мифы и тут же комментируют их [3, с. 143].

5. Тенденция к синтезу искусств в художественном творчестве неформалов.

6. Приверженность перечню как принципу построения текста. Этому принципу отвечают многие музыкальные, литературные и живописные произведения, бытующие в среде «системной» молодежи.

7. Смысловая многоуровневость. В постмодернистских произведениях, подобно старинному палимпсесту, где сквозь верхний живописный слой проступают слои более древние, как бы реально обнаруживая глубину памяти, также сосуществуют разные пласты смыслов: верхний, общедоступный, ориентированный на эстетику поп-культуры, и более глубокий, понимание которого предполагает высокий культурный уровень воспринимающего.

8. Обязательный диалог с авангардом. В рассматриваемом культурном феномене данная особенность проявилась в преломлении традиций литературного и художественного авангарда начала века: характерной для обэриутов «зауми» — в поэзии Б. У. Кашкина и Б. Гребенщикова; примитивной манеры М. Ларионова и Н. Гончаровой — в живописных работах «митьков», Н. Михайловского, «Картинника»; «черного юмора» Д. Хармса и Н. Олейникова — в композициях «Апрельского марша», «Ботвы».

Всё сказанное с достаточной очевидностью свидетельствует о правомерности отнесения рок-музыки к кругу явлений «третьего пласта» художественной культуры, корреспондирующих с различными сферами культурного континуума в его синхроническом и диахроническом срезах. Благодаря этому рок-музыка выступает неотъемлемой составляющей культурных процессов современности. Принципиально важно подчеркнуть факт пересечения в российской рок-музыке западных стилевых основ с традициями русской музыкальной культуры, что позволяет говорить о формировании в России своеобразного отечественного варианта рока, явившегося не только заимствованием, но и результатом самобытного творчества российской молодежи.

Список литературы:

1. Алексеев Э. Е. Фольклор в контексте современной культуры. Рассуждения о судьбах народной песни. — М.: Сов. композитор, 1988.
2. Асафьев Б. Русская музыка XIX и начала XX века. — Изд-е 2-е. — Л.: Музыка, 1979.
3. Калужникова Т. И. Современные детские представления о музыке. Отечественная культура в контексте мирового культурно-исторического процесса: Тез. докл. науч. конф. — Екатеринбург, 1999. — С. 54—57.
4. Конен В. Об истоках рок-музыки // Сов. музыка. — 1986. — № 7.
5. Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени: Сб. статей / Отв. ред. В. Н. Прокофьев. — М.: Наука, 1983

1.2. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ, КОНСЕРВАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

МУЗЕЙ — ИМЕНИ «БРАТЬЕВ ДОНСКИХ» В НЮРБИНСКОМ УЛУСЕ

Иванова Алена Ивановна

*студент, Северо-Восточный Федеральный Университет имени
Максима Коровича Аммосова, г. Нерюнгри
E-mail: Ivanova_alenachka_17@mail.ru*

Иванова Елена Никоновна

*вед.библиотекарь Мальжагарского филиала Нюрбинской ЦБС г. Нерюнгри
E-mail: malgagarsch@yandex.ru*

У каждого человека есть Родина и должен он её любить, защитить, беречь. Это необходимо для духовного развития гражданских и мировоззренческих качеств личности, которые проявляются в любви к Родине, к своему дому, в стремлении и умении беречь и приумножать лучшие традиции, ценности своего народа. Подросток, который не знает историю родного села, быта своих предков, памятников архитектуры, никогда не будет знать им цену, не будет знать ценности духовного богатства своей нации.

Эту проблему решают школьные музеи. Они вносят достойную лепту в воспитание патриотизма учащихся, и помогают воспитать в детях чувства достоинства, гордости, ответственности, надежды, раскрывают истинные ценности семьи, нации и Родины.

В Нюрбинском районе Мальжагарской средней школы имени В. И. Максимова есть музей, имени братьев Донских, в котором изучают историю своего наслега, о жизнедеятельности наших земляков. Этот музей был создан в 2005 году в целях увековечения памяти имен выдающихся государственных деятелей — первых наркомов Республики братьев Донских, незаслуженно репрессированных в тридцатые годы, уроженцев Мальжагарского наслега Нюрбинского района республики Саха (Якутия). Чьи заслуги были известны после реабилитации в 1957 года. В 2009 году наш музей принял статус школьного музея имени братьев Донских и музей получил российское

свидетельство. Руководит музеем Саввинова Татьяна Афанасьевна, учитель технологии с высшей квалификационной категорией по специальности — дизайнер одежды.

В школе научно-исследовательская работа ведется восьмой год. Для сбора экспонатов большое усилие направлено на привлечение старшеклассников. Третий год работает студия экскурсоводов «Юный музейвед». Основной целью студии является — пополнение музейных экспозиций и сбор письменных источников, где в последующем они используются при проведении мероприятий школы в научно-практических конференциях «Шаг в будущее», «Тюркский мир». Данная студия необходима школьникам, чтобы придавать основу понятиям о своих далеких предках, пробудить тонкие чувства патриотизма и уловить генетические связи этнического происхождения. Письменные источники собираются во время работы летнего краеведческого лагеря «Омук кэскилэ», основной упор делается на создание родословного древа рода Донских. В последующем изучаются родословные своих предков. Благодаря поисковой работе старшеклассники узнают по отцовской и по материнской линии до 16 поколений [1, с. 9].

Мальжагарский наслег — это один из дальних наслегов Нюрбинского улуса, внесших свой вклад в социально-экономическое развитие улуса, знаменитый богатым алмазным месторождением Накыын, своими учеными, спортсменами, потомственными коневодами, охотниками и т. д. Уроженцы Мальжагарского наслега братья Федот и Михаил Софроновы — профессора, руководители, знаменитые на всю Россию, доктора и кандидаты наук. Семенов Василий Семенович, Донской Феодосий Семенович, Тимофеев Петр Алексеевич, Донской Роберт Ильич, Ефимов Степан Степанович, Семенов Василий Алексеевич, Алексеев Михаил Афанасьевич, Антипин Василий Николаевич — внесли и вносят свой достойный вклад в дело развития жизни своей Республики и России. Весь Нюрбинский район и республика гордятся нашим земляком Семеновым Василием Васильевичем, доктором технических наук, профессором Московского авиационного института, автора многих технических идей в области космонавтики [2, с. 287].

Выдающиеся люди, чьи имена носит школьный музей, С. Н. Донской I, С. Н. Донской II родились в семье богатого якутского крестьянина. Отец Николай Семенович Донской служил церковным старостой, старостой Мальжагарского наслега, неоднократно избирался главой Мархинского улуса. В 1898 году император России Николай II за особые заслуги наградил Н. С. Донского серебряной

медалью на Владимирской ленте для ношения на шее. Сыновья брали частные уроки у ссыльно-поселенцев. Но родители скончались, когда старшему брату было 12 лет, а младшему 8 лет. Движимое и недвижимое имущество родителей было продано с торгов, деньги (около 5 тыс. рублей) были положены в банк, владельцами которых стали сыновья. На эти средства они учились [2, с. 288].

Донской Семен Николаевич I родился в 1893 году. Учился в Якутском духовном училище. В 1907—1910 гг. работал народным Учителем в с.Элогой, а после в с.Шея Мегежекского улуса Вилюйского Округа. В 1915 г. собранием родоначальников Нюрбинского улуса избран улусным головой. После февральской революции 1917 года он избран председателем улусного Комитета общественной безопасности, а затем в 1918 г. — председателем Вилюйской уездной земской управы. Находясь на этой должности, активно занимался вопросами землепользования. После ликвидации земства был назначен заведующим земледелом Вилюйского уезревкома. В 1921 г. и в период повстанческого движения — член коллегии Губзема отдела и Якутского Губревкома. В это время он занимался вопросами предоставления автономии Якутии и мирной ликвидации повстанческого движения, являлся председателем общества «Манчары». В 1922 г. он выбран народным комиссаром земледелия, затем 1 сессией ЯЦИК второго созыва заместителем председателя ЯЦИК. С февраля по 4 августа 1925 г. — постоянный представитель ЯАССР и ВЦИК в 1926 г., назначен директором Якут торго [3, с. 18].

Донской С. Н. избирался делегатом 10 съезда Советов, членом ЦИК СССР, ВЦИК и ЯЦИК. В период сталинских репрессий необоснованно арестован и 20 мая 1929 г. обвинен по ст.56-7 УК РСФСР. Уголовная судебная коллегия Глав суда ЯАССР 4 сентября 1930 г. приговорил «как особо социально опасного» к ВМН — расстрелу с конфискацией всего имущества. Кассационная комиссия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 05.05.30. оправдала, квалифицировав по ст. 112-1, освободила из-под стражи. Дело № 89-р.

По данным ЦА ФСБ РФ Семен Николаевич в последующие годы проживал в г. Москве, будучи пенсионером, работал на дому переводчиком учебников. Арестован 15.02.38 по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 п. «а», 56-6, 58-11 УК РСФСР. Умер в Бутырской тюремной больнице 05.06.38. Постановлением ГВП от 19.09.57. дело прекращено за недоказанностью предъявленного обвинения, реабилитирован [3, с. 19].

Семен Николаевич Донской II, крупный деятель народного образования Республики Саха (Якутия), родился в 1895 году. В возрасте

8 лет, мальчик стал учиться в начальной школе при духовной семинарии в Якутске. По окончании ее перешел в духовное училище, а затем в духовную семинарию, четыре образовательных класса, которые закончил в 1914 году. Надо заметить, что он в богословских классах не учился.

Якутский юноша решил получить образование и в 1914 году по окончании семинарии, Семен 2-й едет в столицу России — в Петербург и, решив стать врачом, поступает в психоневрологический институт. Через год он, по болезни, прерывает занятия и переводится в медицинский факультет Юрьевского (Дерптского) университета. После окончания первого курса вновь заболел тяжело и в 1916 году, накануне революции был помещен на излечение в санаторий Халила в Финляндии, где он лечился два года, до мая 1918 года [4, с. 253].

В конце 1918 года С. Н. Донской вернулся в Якутию. Здесь, как и повсюду в Сибири установился режим колчаковского произвола. «Я был, — пишет С. Н. Донской в неопубликованной автобиографии, — противником этого режима, но неактивно». С. Н. Донской работает учителем начальной школы и начинает журналистскую деятельность, его статьи печатались в газете «Якутское земство». В этот период, указывает сам С. Н. Донской, оказались разбитыми все надежды на национальное самоопределение, на установление демократического строя. Наступила пора полного политического прозрения. Семен Николаевич Донской включился в активную работу органов Советской власти.

В течение двух лет, с 8 августа 1920 г. по 16 июля 1922 г., он успешно руководит Вилюйским уездным отделом народного образования. В сентябре 1923 г. С. Н. Донской в газете «Автономная Якутия» опубликовал статью «Вилюйские школы 2 ступени», в которой рассказал об успехах и недостатках в работе Вилюйской и Нюрбинской школ.

Руководя народным образованием уезда, С. Н. Донской 2-й развернул в Вилюйске активную общественную деятельность, и приобрел большой авторитет. В 1920 г. он являлся членом ревкома; с 1921 г. по июнь 1922 г. заведующим и одним из организаторов местного краеведческого музея; с января по июль 1922 г. — член уездного исполкома и одновременно заведующий организационно-административным отделом штаба командующего вооруженных сил Вилюйского уезда. Он был делегатом 1-го Вилюйского уездного съезда Советов, где избран членом исполкома [5, с. 7].

Как деятель, имеющий основательную образованность, знания школьного дела и организаторские способности, беспартийный С. Н. Донской 16 июля 1922 г. назначается Народным комиссаром

просвещения Якутской АССР. Проработал на этом ответственном посту 15 месяцев, но провел значительную работу по укреплению якутской школы, способствовал развитию письменности народа Саха.

Выходец из Мархинской тайги становится крупным, известным государственным деятелем Якутии — является участником 1-го и 5-го съездов Советов Якутской АССР, членом ЯЦИКа 1-го, 2-го, 4-го и 5-го созывов, член Президиума ЯЦИКа 1-го и 4-го созывов.

В конце 1923 г. он назначается заместителем постоянного представителя Якутской АССР при ВЦИК и уезжает в Москву.

В 1924—1926 гг. Семен Николаевич учится в Академии коммунистического воспитания, где слушает лекции А. В. Луначарского, Н. К. Крупской, М. Н. Покровского, крупнейших историков и теоретиков педагогики, методистов, как Н. Блонского, получает солидное педагогическое образование.

С. Н. Донской — II участвовал в работе XI-XII съездов Советов РСФСР и II—III съездов Советов СССР, в 1924—1925 гг. состоял членом Совета национальностей ЦИК СССР. Принимал также активное участие в работе съездов по народному образованию. Вместе с М. К. Аммосовым, А. Ф. Бояровым и другими в день похороны В. И. Ленина от имени народа Саха возложил траурный венок у гроба вождя. В 1924—1926 гг. он являлся Председателем редколлегии Якутской секции Центроиздата, издававшей учебники и учебные пособия для Якутии [4]. В Якутию С. Н. Донской — II вернулся в конце 1926 года и возглавил методический совет при Наркомпросздраве, организованный в 1925 году. Это был центр методического руководства школами республики, наследником и продолжателем которого стал Институт усовершенствования учителей. Методический Совет под руководством С. Н. Донского проделал большую работу по разработке учебной программы для якутских школ. Их коронации, созданию библиотек, изданию бюллетеня, представляющего в настоящее время ценный исторический источник по народному образованию в республике, организации краеведческой и клубной работы в школе, проведению всеобуча, ликвидации неграмотности, повышению качества обучения и воспитания детей и юношества [6, с. 25].

С 1-го августа 1927 г. С. Н. Донской — II вновь назначается руководителем Наркомата просвещения и здравоохранения. Работал до января 1928 года. На посту наркома его 1 января 1928 г. сменил П. А. Ойунский. С. Н. Донской вновь возглавил методический совет и исполнял обязанности старшего инспектора и председателя Центральной комиссии в распределении стипендий в школах повышенного типа.

С апреля 1927 г. по март 1929 г. являлся заместителем председателя правления «Ыраас олох» и проводил огромную организаторскую работу по коренному улучшению санитарного состояния улусов, по борьбе с такими свирепствовавшими в те времена социальными болезнями как туберкулез и трахома. В декабре 1927 г. С. Н. Донской вступает в ряды ВКП (б) [6, с. 8].

В 1932—1935 гг. С. Н. Донской учится в аспирантуре в Центральном научно-исследовательском институте национальностей при Наркомпросе РСФСР. Он готовил диссертацию о дидактике чешского мыслителя и педагога Яна Амоса Каменского. В 1934 г. В Якутске создается первое в республике высшее учебное заведение — педагогический институт. Это новое и сложное дело. Его первыми руководителями были И. П. Жегусов и И. А. Мельников. Для повышения качества руководства института в 1935 г. директором института назначается С. Н. Донской П-й. Одновременно он заведовал сектором народного образования и истории Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР. Затем становится его Ученым секретарем и вместе с П. А. Ойунским проводит научно-организационную работу по становлению первого в истории северного народа научного учреждения [2, с. 77].

Летом 1936 г. Семен Николаевич уехал в Москву для завершения кандидатской диссертации. Но этому не суждено было осуществиться. Честный коммунист, прекрасный работник, находясь, на посту Постоянного представителя ЯАССР при Президиуме ВЦИК стал жертвой культа личности — он был арестован необоснованно 3 февраля 1938 г. и 25 августа 1938 г. расстрелян «как враг народа» и захоронен на Донском кладбище в пос. Бутово (на территории совхоза «Коммунарка»). Военной коллегией Верховного суда СССР от 25 мая 1957 года С. Н. Донской 2-й, как необоснованно репрессированный, был реабилитирован [6, с. 26].

Таким образом, Семен Николаевич Донской — I, Семен Николаевич Донской — II были универсальными и многогранными личностями, сочетавшие в себе качества истинного педагога, государственных деятелей и просветителей. Их отличали не только высокий профессионализм, но и гражданское самосознание и стремление служить Родине и родному народу. Братья Донские внесли огромный и неопределимый вклад в формирование государственности, в экономическое и национально-культурное возрождение Якутии.

Школьный музей способствует формированию самосознания личности на примере жизни и деятельности наших славных земляков — братьев Донских. Мальжагарский наслег, Нюрбинский

район гордятся такими выдающимися людьми. Жители наслега благодарны учителям за увековечивание знатных людей наслега, особенно заведующей музеем Татьяне Афанасьевне, в том, что она вселила детям дух патриотизма.

Список литературы:

1. Антонов Е. П., Донской Ф. С.—I — один из основателей Якутской Государственности (к 110—летию С. Н. Донского — I) / ЯФ ГУ «Изд-во СО РАН». — Якутск, 2005. — 18—44 с.
2. Антонов Е. Н. Образец сужение народу, (подвижническое деятельность С. Н. Донского 2) Илин 2005. — № 6 — 25—27 с.
3. Данилов Н. Д. Ини-бии Донскойдартан са5алаан...// ИПКРО им. С. Н. Донского — II. — Якутск, 2005. — 9—11 с.
4. Илларионов В. В., Донской Ф. С. Мальжагар. Нюрбинский район «МУП Нюрбинская типография» (наследии Якутии) — 2010. — 76—85 с. — Николаев Дмитрий Николаевич. Олох оргуйар уоһунэн: ахтыылар, докумуоннар, ыстатыйалар // Медиа — Холдинг Якутия — Якутск 2007. — 287—290 с.
5. Николаев Дмитрий Николаевич. Олох оргуйар уоһунэн: ахтыылар, докумуоннар, ыстатыйалар //Медиа — Холдинг Якутия — Якутск 2007. — 253—288 с.
6. Петрова М. Н. Жизнь, отданная народу // ИПКРО им. С. Н. Донского —II . — Якутск, 2009. — 7—13 с.

СЕКЦИЯ 2.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2.1. РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОРНИТОНИМЫ ЛАГЪА «ГОЛУБЬ», ЛАЧИН «СОКОЛ», ТИУМА «СОВА» В ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКЕ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА

Гаджиалиева Марьям Гусеновна

*соискатель кафедры прикладной и теоретической лингвистики,
ст. лаборант кафедры арабского языка факультета востоковедения
Дагестанского Государственного Университета г Махачкала РД
E-mail: mariam515@mail.ru*

Среди немногих антропоцентрических работ в дагестанском языкознании [3, с. 25; 4, с. 22] этнопсихолингвистические исследования единичны [5, с. 21]. Поэтому затронутая проблема представляется значимой не только в связи с актуальностью антропоцентрической парадигмы языкознания, но и в силу неотъемлемой задачи современной лингвистики — документация языков малых народов [2, с. 80], а также и все большего влияния русского языка и русской ментальности на носителей дагестанских, в том числе даргинского, языков.

Задача нашей статьи — определить этнопсихолингвистические особенности зоонимических фразеологизмов-обращений даргинского языка. Наш интерес к фразеологизмам-обращениям обусловлен тем, что, с одной стороны, фразеологизмы один из наиболее культуроносных стратов всякого языка, с другой стороны, обращения — это эмоционально нагруженные единицы языка, которые выражают отношение к адресату. Единение в языковой единице двух аспектов языка фразеологической единицы и речи-обращение наиболее емко позволит на наш взгляд, определить особенности этнической психологии носителей всякого языка.

Известно, что зоонимические устойчивые словосочетания преимущественно несут отрицательную коннотацию, которая может иметь признаки, как общие с аналогичными единицами другого языка, так и отличающиеся от них.

В даргинском языке *лагъа* «голубь» на уровне вербализации не имеет формы, обозначающей самку голубя — голубку. Одна и та же форма *лагъа* репрезентирует и родовое понятие голубь, и видовые: голубь — самец, голубь — самка. Однако фразеологизм *дила лагъа* (моя голубка) «моя голубка» как единица языка предполагает: а) образность; б) эмоционально-эстетически положительную коннотацию; г) феминологичность; д) ударение (одно на два слова);

Обращение *ва дила лагъа!* (о моя голубка!) речевая единица — реализуется с сохранением всех вышеперечисленных параметров при добавлении двух переменных величин интонации и экспрессивности, которые индивидуальны и зависят от отношения адресанта к адресату, но всегда присутствуют в речевом акте. Кроме того, реализация «*дила лагъа!*» требует экспрессию, переменную величину, которая зависит от отношения адресанта к адресату:

Ср.: Обращение *ва дила лагъа!* «моя голубка» в двух контекстах: а) обращение матери к дочери или же свекрови к невестке *ва дила лагъа* (о моя голубка.) — *Ва дила лагъа, дила жагаси арцан, хIези халаси тилади леб дила, яхI бара, хьар секIал деткаар.* «Моя голубка, птенчик мой прекрасный, у меня к тебе просьба, прояви терпение, все образуется»;

б) при равно добрых отношениях матери и свекрови к дочери интонация и экспрессивность, обусловленные личными качествами адресантов, будут различными.

Приведенный контекст, а именно *ва дила лагъа, дила жагаси арцан*, свидетельствует также, что образ «голубки» в этническом сознании носителей даргинского языка ассоциируется и с положительной коннотацией эстетического плана красотой, и т. д.

Ср.: Также *дила лагъаранг хулбар* (милая с глазами голубинового цвета, моя любимая), *ва дила лагъаранг хулбар, дила ахIерси рахь дигусири хIу наб, дила регIла жагаси, га наб жаваб.* Милая моя голубоглазая, родная моя, любимая моя, самая красивая, ответь мне (жених — невесте). Как свидетельствует контекст, глаза голубинового цвета являются у даргинцев признаком женской красоты.

Дила хьаб гьанцIа лагъа — голубка моя с голубой шейкой. Моя красотка. Любимая уподобляется голубке, с голубой (сизой) шеей. *Дила хьаб гьанцIа лагъа сарригу хIу, наб дебели ахIерсири, аргъа дила гьай!* — Моя сизая голубка, дорогая моя, услышь меня.

Следует отметить, что факты, связанные с культурными традициями даргинского этноса, позволяют адресовать фразеологизмы *дила лагъа* (моя голубка) только в направлении старшей дамы к младшей. Преимущественно относятся к женской речи.

Однако табу в публичном обращении мужчины к женщине не отрицает речевых актов, выражающих нежность к женщине в межличностных отношениях.

Ср. элементы письма мужа к жене: *Ва дила къугъал арцан, дила дигай* — Моя прекрасная птица, моя любовь. *Ва ила къугъал арцан, дила мурад, хIечи хъагъар лукIулра нуни, сен саррив илар?* Моя любовь, мое желание, к тебе пишу я, как ты там? (муж — жене).

В даргинской этнической психологии публичные выражения нежных чувств вообще к женщинам, даже к матери (не то что жене) табуированно.

Особенность даргинского языка — отсутствие уменьшительных суффиксов применительно к зоонимам — не позволяет выразить эмоции словообразовательными средствами. В этих условиях решающим остается обращение к лексической семантике определяемого и определения.

Ср.: *Ва дила къугъал арцан!* «Моя прекрасная птица, моя любовь».

Дубурла чатIа — «горный птенец», обращение к ребенку.

Ва дила дубурла чатIни дуцмайIудая ишар, дялсадая. — «Мои птенцы, не играйтесь тут, испачкаетесь».

Даргинский язык не позволяет вербализацию эмоционально нагруженных слов. В единичных случаях в качестве обращения используются обособленные названия «бабочка», «птенчик», «пташка» и т. д. Табуирование в отношении женщин в современном даргинском языке крайне редко.

Ср.: «*Ва дила хIяжла къабулдан*» «о, моя паломническая бабочка, моя красотка». *Вай дила хIяжла къабулдан, дила духуси, лехIехъи дила гъайличи.* «Моя красавица, моя умница, послушай меня».

Вся положительная эмоциональность в приведенном контексте обеспечивается сочетанием *ва дила хъабулдан* (о, моя, бабочка!) при преимущественной роли местоимения. Вне междометия сочетание *хIяжла къабулдан* (паломническая бабочка) перестает быть обращением, равно как и фразеологизмом.

Положительная или отрицательная коннотация фразеологизма с орнитонимом зависит от того, каким образом прототипический денотат концептуализируется в этническом сознании носителей даргинского языка. Так, фразеологизм «*тIума хIулбар*» (свиные

глаза) «с глазами на выкате, пучеглазие», как единица языка включает следующие семантические компоненты: образность, эмоциональность, отрицательную коннотацию эстетического плана, которые эксплицируются и на речевом уровне.

Ср.: *Сен агЯряхьбсирив джав, тIума хIулбар?* — что же ты, пучеглазая «установилась»?

В приведенном контексте реализуются не только присущие фразеологизму образность, эмоциональность, отрицательная коннотация эстетического плана, но и экспрессивность, равно как и отрицательное отношение, обусловленное отрицательной эстетической коннотацией.

Негативная эстетическая коннотация сохраняется даже в тех случаях, когда адресат выражает положительную эмоцию к обладателю «совиных» глаз;

Ср.: *дила уркIецидулхъули сар их рурсичи, гIяйIуб хебу гьатIи ихичиб тIума хIулбар сарлихъалли, хIябра уркIеци агарти дяIни леб!* — Мне жалко эту девочку разве она виновата, что она пучеглазая, какие безжалостные дети.

Фразеологизм-обращение *тIума хIулбар* (совиные глаза), «глаза на выкате, пучеглазый/ая» может быть адресован любому, обладающему этим признаком человеку, вне зависимости от социального положения.

В то же время, в даргинском языке встречаются представители птиц, названия которых социально значимы. Так, природные свойства, присущие *лачин* «соколу» в даргинском этническом сознании, в структуре фразеологизма *дубурла лачин* (горный сокол) «мужественный человек» предполагают образность, эмоциональность, смелость. Фразеологизм — обращение *ва дубурла лачин!* (о мужественный горец!) дополняется семемами «гордость», «экспрессивность», «пафос» и специфической «интонацией».

Ср.: *Ва дубурла лачинти! Душмайс хIелугехIе цалра минут паргъатдешла!* — Горные соколы! Не дадим врагу ни минуты покоя!

Социальная значимость фразеологизма — обращения заключается не в семантике самого фразеологизма, она определяется социальной оценкой и формально не выражена. Рассматриваемая единица не имеет социолингвистических ограничений в употреблении.

Таким образом, орнитоним *лагъа* «голубь» в этнопсихологии носителей даргинского языка ассоциируется с особой женского пола, к которой испытывают положительные чувства, и эти чувства старшая по возрасту адресует к более молодой. Даргинские этнические стереотипы запрещают публичное проявление нежных чувств к женщине.

Речевые акты с использованием обращения *ва дила лагьа!* «о моя голубка!» делают образ эмоциональной — экспрессивным и предполагают, характерную интонацию, а также несут в себе положительную коннотацию.

Фразеологизм-обращение *ва дубурла лачин!* «горный сокол» в этнической психологии даргинцев — это обращение к социально-значимому, храброму мужчине.

Фразеологизм-обращение *тIума хIулбар* «пучеглазый» всегда предполагает отрицательную эстетическую коннотацию, эмоциональность, экспрессивность.

Обязательно наличие междометий, несущих экспрессию и эмоции, дополнительной интонации в отсутствии уменьшительных суффиксов с уничижительными или, наоборот, уменьшительно-ласкательными словообразовательными элементами.

Список литературы:

1. Абдуллаев С. Н. Урус мезла — дарган мезла словарь. Махачкала. 1950. — 1462 с.
2. Леман К. Документация языков находящихся под угрозой вымирания // Вопросы языкознания 1996. — № 2. 80—81 с.
3. Магомедова Н. А. Семантическое пространство «свет и тьма» в лезгинском и французском языках». Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. Махачкала. 2009 — 25 с.
4. Омарова П. М. Когнитивная структура базовых эмоциональных концептов гнева, страха и радости в английском и даргинском языках. Автореф. дис. на соис. уч. степ. канд. филол. наук. Махачкала. 2010. — 21 с.
5. Халимбекова М. К. Этикетная лексика в языках различных культур: в лезгинском и английском языках. Автореф. дис. на соис. уч. степ. канд. филол. наук. — Махачкала. 2012 — 21 с.
6. Юсупов Х. А. Русско-даргинский словарь. Махачкала.: «Юпитер», 2005 — 520 с.

СПЕЦИФИКА ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Попова Екатерина Викторовна

преподаватель БГПУ им. М. Акмуллы, г. Уфа

E-mail: peva2010@yandex.ru

Особенностью русского языка XVIII века является активный процесс заимствования слов. При этом меняется соотношение источников пополнения словарного состава языка. Если в лексике предыдущего столетия заметную роль играют полонизмы и латинизмы [2, с. 37—40; 3, с. 130], то в рассматриваемый период на первое место постепенно выходят западноевропейские заимствования. Это обусловлено общим процессом европеизации русской культуры. На протяжении XVIII века расширяются контакты России и стран Западной Европы в области внешней политики (дипломатические, торговые, военные и т. п.), образования, искусства, быта.

К основным путям словарных заимствований в XVIII веке относят проникновение иноязычных слов из 1) переводных книг; 2) речи специалистов-иностранцев (инженеров, мастеров, офицеров и т.д.), служивших в России; 3) речи русских людей, которые учились или работали за границей [3].

Наиболее интенсивные заимствования (52 % иноязычных слов) происходят в Петровскую эпоху (90-е гг. XII в. — 30-е гг. XVIII в.), для которой характерна многоконтактность, т. е. наличие живых связей с рядом европейских, славянских (белорусским, польским, чешским, украинским,) языков и сильное воздействие классических языков [1]. В это время преобладают переводы с латинского языка, что соответствует основной тенденции обогащения русского лексикона с XVII века и нередко обусловлено деятельностью Славяно-Греко-Латинской Академии. В конце периода в связи с царствованием Анны Иоанновны возрастает роль немецкого языка. На третьем месте по интенсивности перевода находится французская книга. Меньшим количеством представлены переводы с итальянского, греческого, голландского, шведского, английского и датского языков. Изменяется значение польского языка в переводных книгах: уже к 1820-м годам «польское влияние начинает уступать в силе влиянию немецкому» [2, с. 56]. Исследователи отмечают, что перевод научной и технической литературы в эту эпоху нередко сопрягается с большими трудностями: в русском языке не хватает семантических форм для передачи новых понятий [2, с. 58].

Наибольшее число иноязычной лексики первой трети XVIII века связано с идеографическими сферами «Армия и флот», «Государство», «Обществоведение, культура, искусство» [1]. Так, в этот период складывается ядро военного лексикона и терминологии парусного флота (*армия, батальон, гарнизон, корпус, легион, ихуна; каюта, кубрик, мачта, трюм* и др.), формируется административный словарь (*адвокат, губерния, прокурор, фискал, штейгер, юстиция* и др.), заимствуются ключевые лексемы в области обществоведения, филологии, литературы и искусства (*балет, драма, картина, критика, опера, оркестр, симфония, статуя, театр* и др.). Значительное место занимают также слова, относящиеся к сферам «Природа», «Хозяйство», «Быт», «Человек».

В Петровскую эпоху наблюдаются колебания в написании иноязычных слов (*лак — лакк, политра — палитра* и др.) и их фонетическом облике (*зала — сала, шуткатурка — стукатурка, цемент — семент* и др.). Широко варьируются также русские и иноязычные финалы у некоторых заимствованных лексем: *лаборатория — лабораторий; музей — музеум — муzea; привилегия — привиллециум — привилегий; трофей — трофеум — трофея* и т. п. Многие заимствования имеют словообразовательные варианты, в частности, это относится к глаголам с суффиксами -ова(ть) / -ирова(ть): *бальзамовать — бальзамировать; блокивать — блокировать, гарантовать — гарантировать; диктовать — диктировать* и др.

Заимствования Петровской эпохи — важное средство формирования синонимии, которая становится характерной чертой лексики того времени. Так, иноязычная лексика пополняет синонимические ряды слов русского и славянского происхождения (*баталия — бой — битва; место — местность — положение — ситуация* и т. д.) либо образует самостоятельные ряды синонимов (*госпиталь — контомация — лазарет; провиант — провизия — субсистенция; ландшафт — пейзаж; навигатор — насклир* и др.).

Исследователи отмечают, в данный период западноевропейские слова имеют «особый стилистический отпечаток новшества» и привлекаются «как мода», как ненужные варваризмы [2, с. 68]. В связи с этим особенностью деловых и публицистических текстов Петровской эпохи является приём дублирования слов: рядом с иноязычным словом стоит его русский синоним («*некоторые акциденции (или доходы) получать*»; «*аркибузировав (расстрелен)*»; «*визитацию (или осмотрение) учинить*» и т. п.).

В условиях многоконтактности существует тенденция к заимствованию слов из языков, наиболее влиятельных в той или иной

области. К примеру, словарь архитектуры, изобразительных искусств, музыки — итальянского и французского происхождения, военная лексика — французского и итальянского и т. п. Примечательно, что многие заимствования (слова или их отдельные значения) Петровской эпохи выходят из живого употребления к середине или к концу века: *анкуражемент* «возбуждение», *арканум* «тайна», *аркебузировать* «расстрелять», *драбант* «телохранитель», *ирейбер* «писарь», *экскузоваться* «извиняться»; *ассистенция* в значении «свита», *увертюра* в значении «предложение» *формула* в значении «рецепт» и др.

На 1740-60-е гг. приходится 27% заимствований. В это время ведущим языком перевода становится французский. Особенно возрастает французское влияние с 60-х годов XVIII столетия, о чём свидетельствует появление новых вариантов у слов, заимствованных в петровскую эпоху и имеющих латино-немецкое оформление: *авантюра*, *актер*, *жест*, *миниатюра*, *миссионер*, *нуфель шифры* и др. (ср. до 60-х годов: *авантура*, *актер*, *гест*, *миниатура*, *миссионар*, *новелла*, *цифры*). На втором и третьем местах соответственно находятся немецкие и латинские тексты. Значительно меньшим количеством представлены переводы с итальянского, греческого, английского, шведского, польского, испанского и португальского языков [1, с. 54]. Наибольший вес в данный период имеет иноязычная лексика, принадлежащая к идеографическим сферам «Обществоведение, культура, искусство», «Природа», «Быт». Интенсивные заимствования связаны также с областями «Государство» и «Человек». Отметим, что в 1740-60-е гг. во всех функциональных сферах наблюдаются прямые заимствования из немецкого языка (исключением является скульптура и изобразительное искусство), флотскую терминологию и бытовую лексику пополняют англизмы (*воксал*, *клуб*, *пикник* и др.) [1, с. 176—177].

В последнюю треть XVIII века активность процесса заимствования несколько снижается (21 % иноязычных слов). При этом наиболее многочисленными остаются переводные книги с французского и немецкого языков (47 % и 23 % всей переводной продукции соответственно), выступающих нередко посредниками при переводе английских, итальянских, испанских и других иноязычных произведений. Третье место в качестве языка переводных книг сохраняет латинский. Как и в предыдущий период, заимствования пополняют преимущественно функциональные сферы «Обществоведение, культура, искусство» и «Быт». Лексика природы уступает в количественном отношении словам, связанным с темой «Человек». Меняется также состав лексем, входящих в последнюю сферу. Если в

первые два периода заимствуются в основном термины анатомии, физиологии, медицины (*мускул, нерв, скелет, темперамент* и др.), то в 1770—1800-х гг. — слова, служащие для обозначения внутренних состояний человека, его чувств (*амур, апатия, индифферентный* и др.) [1, с. 172]. В конце XVIII века наблюдается приток итальянской музыкальной терминологии через посредство французского, немецкого и английского языков. Во время второго и третьего (1740—60-е гг., 1770—1800 гг.) периодов происходит заимствование ряда экзотизмов из латиноамериканских и испанского языков (посредниками в этом также выступают французский и немецкий языки): *аллигатор, банан, кокос, колибри, маис, тореадор* и др.

Таким образом, для русского языка XVIII века на всех временных этапах характерны многочисленные заимствования иноязычных слов. Особенно активизируется этот процесс в Петровскую эпоху, когда на русский язык оказывают влияние английский, белорусский, голландский, датский, итальянский, немецкий, польский, украинский, французский, чешский, шведский и классические языки. С 1740-х гг. происходит постепенный переход от многоконтактности к ограничению «языковых отношений сферой двух языков — французского и немецкого: они являются главными источниками заимствований и языками-посредниками» [1, с. 176]. Иноязычные слова обогащают разнообразные функциональные сферы. Ведущими среди них становятся «Армия и флот», «Государство», «Обществоведение, культура, искусство», «Природа», «Быт», «Человек».

Список литературы:

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. — Л.: Наука, 1972. — 432 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М.: Высшая школа, 1982. — 528 с.
3. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. — 279 с.

2.2. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

МОРФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДВУХЗОННЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ ОТ ГЛАГОЛОВ ИНОСТРАННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Демешко Инна Николаевна

канд. филол. наук, доцент КГПУ им. В. Винниченка, г. Кировоград

E-mail: demesko.kr.ua@rambler.ru

На современном этапе морфонологический аспект в анализе словообразования исследуется в славянских, германских, балканских, тюркских языках, но остаются неизученными процедурные вопросы морфонологического анализа, морфонологические особенности комплексных словообразовательных единиц, моделирование морфонологической структуры комплексных словообразовательных единиц, которое определяет функциональную нагрузку словообразовательных единиц и др. Основательное изучение теоретических и практических вопросов словообразовательной морфонологии связано с углублением знаний об особенностях функционирования морфонологических преобразований, об их роли в структурировании и группировке словообразовательных гнезд с вершиной-глаголом. Актуальность исследования обусловлена отсутствием системного исследования в области функциональных возможностей морфонологических моделей, вовлеченных в процессы отглагольного словообразования современного украинского языка.

Необходимо отметить, что словообразование украинского языка, как и любого языка мира, представляет собой открытую нелинейную систему, способную к самоорганизации и саморазвитию. Изучение закономерностей, особенностей формальных модификаций в морфемной структуре производных при словообразовании, установление причин и формулирование правил сочетаемости морфем на морфемном шве исследует морфонология. Исследование словообразования как динамической системы целесообразно проводить с использованием комбинированного диасинхронного подхода и изучением морфонологических явлений при создании производных. Такой подход дает возможность обосновать интерпретацию изменений лексической и словообразовательной макросистем, спрогнозировать тенденции развития этих макросистем, установить причины изменения формального выражения морфем.

Современное состояние лингвистических исследований характеризуется направленностью внимания языковедов к проблемам становления, развития и функционирования единиц основных языковых уровней (ярусов) и промежуточных (морфонологического, словообразовательного и фразеологического). В начале XXI в. появляются работы, посвященные исследованию морфонологической структуры отсутствующих словообразовательных гнезд украинского (М. Ю. Федурко) и русского языков (Г. М. Потапова), динамических процессов морфонологических моделей отприлагательного словообразования (Г. В. Пристай), морфонологии словоизменения и словообразования белорусского языка (В. П. Русак), морфонологии башкирского (Г. Р. Абдуллина), монгольского языков (С. А. Крылов). Актуальными остаются исследования семантических и синтаксических аспектов отглагольной деривации (на материале языков разной генетической и ареальной принадлежности), в частности, актантных и аспектуальных дериватов, номинализаций [5]. Сейчас вопрос словообразовательной морфонологии отглагольных дериватов в украинском языке остается открытым. Это обуславливает актуальность исследования словообразовательной морфонологии deverбалив в синхронном аспекте с целью изучения особенностей морфонологических трансформаций глагольных основ трех-, двух- и однозвонных отглагольных производных.

Цель статьи — установить особенности морфонологических закономерностей отглагольных словообразовательных гнезд с вершинным глаголом в двухзвонных deverбаливах иноязычного происхождения. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) охарактеризовать структурные отношения между вершинным глаголом и производными единицами, 2) выявить особенности морфонологических закономерностей в двухзвонных deverбаливах от глаголов иноязычного происхождения.

Словообразовательная морфонология исследует закономерности и особенности формальных модификаций в морфемной структуре слова в процессах словообразования. Комплексное изучение морфонологических явлений при словообразовании дает возможность выявить закономерности валентности морфем, установить причины изменения формального выражения морфем. Словообразование украинского языка — это языковая суперсистема, которая представляет собой сложный объект, который характеризуется совокупностью разнотипных конститuentов и формой ее организации, а морфонология позволяет установить причины, которые стимулируют изменения формального выражения морфем, сформулировать правила сочетаемости морфем данного языка. Хотя статус словообразовательной морфонологии как отдельной автономной системы языка не является общепризнанным фактом, однако в пользу его автономности можно

привести следующие аргументы: 1) наличие основной языковой единицы — морфемы, 2) наличие автономных механизмов — морфонологических типов и моделей; 3) возможность формального моделирования производных. Признавая автономность словообразовательной морфонологии в пределах языковой макросистемы, необходимо подчеркнуть ее особенность статуса, которая заключается в разноплановости элементов, составляющих ее субстанцию. К «неоспоримым единицам» словообразования, по мнению ученых, принадлежит корень, морфема, аффикс, приставка, суффикс, постфикс, интерфиксы, производное слово, словообразующая база, формант, синтагма, парадигма, тип, способ, пара, цепь, ряд, гнездо [7, с. 67—68]. Приведенный ряд терминов дополним морфонологическими типами, морфонологическими моделями, мотиватором, мотивантом.

В современной украинистике актуальным остается изучение словообразовательной системы как гнездовой организации, поскольку изучение структурно-семантической организации словообразовательного гнезда позволяет установить парадигматические и синтагматические отношения дериватов, способствует перспективному и глубинному анализу процесса словообразования, сопутствующего словообразованию морфонологических явлений для системного подхода к изучению деривационной структуры производных. Проблему структурно-семантической организации словообразовательных гнезд исследовали русские языковеды А. Н. Тихонов, Е. А. Земская, Ж. Ж. Варбот, Е. С. Кубрякова, И. С. Улуханов, В. В. Лопатин, О. Д. Зверев, В. Г. Головин и др., украинские языковеды И. И. Ковалик, Н. Ф. Клименко, В. А. Горпинич, Е. А. Карпиловская, В. В. Грещук, Н. И. Голянич, Н. Я. Тишковская, Е. В. Дяк и др. В украинской дериватологии актуальным остается исследование словообразовательных гнезд с вершинными глаголами, изучение морфонологических закономерностей при создании девербативов вербальной, субстантивной, адъективной и адвербиальной зон.

Поскольку морфонология занимает промежуточный уровень между фонологией и морфологией, то возникает сложная зависимость морфонологических изменений от результатов фонологического и морфологического анализа. «... Чем автономнее статус она (морфонология) приобретает, тем более очевидной становится зависимость морфонологии от результатов морфологического и словообразовательного анализа» [10, с. 11], при этом морфонологическое описание приобретает аналитический характер [6]. Как известно, словообразование — это функциональное поле языка, в котором тесно взаимодействуют все языковые уровни. Поэтому при изучении словообразовательной морфонологии производных необходимо дифференцировать морфонологические явления [3, с. 72], в частности

морфонологические альтернации (типы вокалических и консонантных альтернаций), происходящие при словоизменении и при словообразовании [3, с. 73—97]. Поскольку центр частей речи формируют существительные и глаголы как сугубо автономные знаки [2, с. 16], то эти центральные части речи представляют определенный научный интерес, ведь именно «существительное и глагол как основные части речи имеют развитую морфологическую структуру и большие словообразовательные возможности для пополнения словарного состава» [Там же, с. 47]. На современном этапе изучения словообразовательной морфонологии пристального внимания требует исследование двeverбатов с удельными и иноязычными корнями (основами), вопросы адаптации заимствованных лексем, особенности сочетаемости иностранных корневых морфем с суффиксальными морфемами (удельными, заимствованными).

Результаты анализа свидетельствуют, что у каждого из морфонологических классов активным является первая ступень словообразования, которая характеризуется наибольшим разнообразием морфонологических моделей, а на втором и последующих — морфонологическая активность угасает, что проявляется в качественных и количественных характеристиках: количественное уменьшение задействованных морфонологических моделей и их типизированного характера. Омонимические корневые морфемы характерны преимущественно удельным лексемам (**будити**¹ (переривати сон) и **будіти**² (коптїти); **валїти**¹ (примушувати падати) и **валїти**² (сплутувати — про вовну, пух). Естественно, что при этом и словообразовательные гнезда имеют абсолютно разные производные и сопутствующие процесс словообразования морфонологические трансформации, а также иные консонантные альтернации: **будіти**¹ (переривати сон) — будіти-ся, буді-льник, до-будіти-ся, з-будіти, роз-будіти; **будити**² (коптїти) — будж-анїн(а) (д//дж), буж-анїн(а) (д//ж), будж-ен'н'(а) (д//дж), буж-енїн(а) (д//ж), будж-енїц'(а) (д//дж), буж-енїц'(а) (д//ж),

буж-їн(а) (д//ж); **валїти**¹ (примушувати падати) — вї-валяти, за-валяти, пере-валяти; **валїти**² (сплутувати — про вовну, пух) — валя'-н'н'(а), валя'-льник.

В морфонологических трансформациях усматриваем не только средство формальной совместимости морфем, которые сопровождают процесс словообразования, но и передачи определенной информации, выполнении определенных функциональных ролей. Ведь морфонологические средства информируют о формальных свойствах объединяемых в деривационном акте морфем, в частности об особенностях контактной зоны (фонемную конфигурацию финали образующей основы и инициали суффикса), о послоговой организации образующей основы, о типе акцентной позиции слова, акцентной потенции слово-

образовательных средств, необходимо дифференцировать образования от удельных и от заимствованных слов определенного грамматического класса.

Создание типологии словообразовательной морфонологии словообразовательных парадигм deverбатов требует анализа словообразовательного потенциала слов, в частности изучение природы соответствующих зон производных (вербальной, субстантивной, адъективной, адвербиальной), предусматривающих изучение словообразовательных возможностей производных, ведь эта проблема весьма актуальна при системном изучении словообразования украинского языка. Необходимо отметить, что в языковедческой литературе понятие блок словообразовательной парадигмы и зона словообразовательной парадигмы иногда употребляются как синонимы [11]. По нашему мнению, эти понятия следует дифференцировать. Термин «зона» словообразовательной парадигмы используем как видовой по отношению к термину «блок», т. е. как обозначение структурных и семантических позиций в составе словообразовательной парадигмы. Морфонологическая структура словообразовательной парадигмы или словообразовательного гнезда, в которое входит словообразовательная парадигма, и зонная структура словообразовательной парадигмы определенной степени словообразования и структурно, и семантически, поскольку срабатывают и структурный, и семантический факторы.

Учет специфики словообразования, заключающийся прежде всего в том, что из всех языковых подсистем именно он призван отражать номинативную деятельность человека — формировать и обеспечивать функционирование особых единиц номинации — производных слов, свойства которых являются уникальными и неповторимыми [4, с. 113], более перспективным считаем направление в изучении словообразовательной парадигматики, представлен работами Е. А. Земской, Г. С. Манучарян, В. В. Грещука, З. О. Валюх и др. В украинистике словообразовательную парадигму квалифицируют как комплексную единицу, что представляет собой особую микросистему дериватов одной ступени деривации, объединенных тождеством образующей основы и формантов. Предложенная дефиниция словообразовательной парадигмы, во-первых, наиболее изоморфна понятию парадигмы в морфологии, во-вторых, на ее основе возможно комплексное исследование деривационного потенциала слов различной частеречной принадлежности: существительных, прилагательных, глаголов, числительных и др. и установление словообразовательных значений, свойственных производным, образование которых представляет определенную лексико-семантическую или тематическую группу, в-третьих, дает возможность выяснить, в какой степени, как и какие факторы обуславливают деривационное поведение мотивированных

слов и какой инвентарь словообразовательных формантов присущий различным классам производных слов, с какими синонимическими формантами взаимодействуют образующие основы и др. [1, с. 39]. Таким образом, словообразовательная парадигма представляет упорядоченную микросистему производных единиц одной ступени деривации, объединенных общей образующей основой и противопоставленных словообразовательным формантам.

Поддерживаем мнение А. Н. Тихонова, что словообразовательное гнездо имеет четко определенную структуру, и в основе «построения гнезд лежит принцип иерархии, принцип последовательного подчинения одних единиц другим [9, с. 36]. Необходимо заметить, что в состав словообразовательного гнезда входят слова, которые имеют общий лексико-семантический вариант, материальным выразителем которого является корневая морфема. Границы словообразовательных гнезд подвижны. Ведь под влиянием лингвальных и экстралингвальных факторов гнезда могут пополняться новыми словами (*пролонгування, зомбування, пікетчик, апелювач*) и терять некоторые значения слова, когда они переходят к пассивному составу лексики, теряя смысловые связи (укр. *дати* и *продати, вити* и *розвити*).

В современной дериватологии словообразовательное гнездо, вместе с словообразовательным типом, относится к основным системообразующим единицам словообразовательного уровня языка. Если для производных того или иного словообразовательного типа общим элементом является формант, то для словообразовательного гнезда — вершинное слово. Словообразовательная парадигма представляет собой совокупность всех производных одного образующего и выступает частью словообразовательного гнезда. А. Н. Тихонов отмечает, что «среди всех частей речи глагол имеет широкие словообразовательные связи и влияет на все важные процессы словообразования», подчеркивая, что словообразовательные гнезда с вершинами-глаголами имеют сложную структуру и значительный состав производных, особенно на первой ступени деривации [8, с. 286]. Характерно, что в словообразовательном гнезде каждая из ступеней деривации формирует свою словообразовательную парадигму последовательно выражаемую в развертывании гнезда по вертикали. При базовых словах-глаголах на первой ступени деривации расположены возвратные глаголы, многократные, однократные, префиксальные и префиксально-суффиксальные, отглагольные существительные, прилагательные, сложные слова [Там же, с. 287]. При базовых глаголах иноязычного происхождения на первой степени деривации расположены обратные или префиксальные глаголы, существительные с абстрактным значением, прилагательные: *абстрагува́ти* — *абстрагува́ти-ся, абстрагува́-н'н'-а, абстра́к-*

цїj(a), *абстра́гова-н(ий)*, а на второй степени деривации — существительные, прилагательные (в данном случае прилагательный *абстра́кт-н(ий)*); на третьей степени деривации — существительные, прилагательные, наречия: *абстра́ктн-о*, *абстра́кці-он/їзм*, *абстракціон'-їст*, *абстракціонїст-ськ(ий)* 1.

Морфонологическая структура словообразовательных гнезд с вершиной-глаголом иноязычного происхождения характеризуется усечением главной финали (форматива *-ува-* (321) або *-и-* (1): *контўзити*).

Описание словообразовательных парадигм предусматривает выделение зон, которые представляют собой совокупность словообразовательных значений, выраженных дериватами соответствующего лексико-грамматического класса: субстантивной, адъективной, вербальной и адвербиальной зон. Само исследование морфонологических особенностей в пределах словообразовательных парадигм наглядно представляет механизм порождения девербативов в украинском языке, демонстрируя параметры организации производных вербальной, субстантивной, адъективной и адвербиальной зон.

Концептуальный аппарат морфонологии требует дальнейшего совершенствования и анализа, составления и согласования с понятийным и терминологическим системами смежных лингвистических дисциплин. На современном этапе описание и исследование формальных признаков языковых единиц с точки зрения системно-структурной лингвистики представляется перспективным направлением, призванным установить арсенал словообразовательных формантов и объяснить природу морфонологических трансформаций. В современном словообразовании довольно распространенным стало определение, согласно которому словообразовательная парадигма — это комплексная единица, которая представляет собой определенную микросистему дериватов одной степени словообразования, мотивированных той же образующей основой и противопоставленных словообразовательными формантами. Характерно, что типологическим признаком деривационных парадигм глаголов является их внутреннее структурирование по зонам девербативов (за частями речи). Словообразовательные парадигмы глагола представлены трех-, двух- и однозонными девербативами. Для отглагольных производных продуктивной является трехзонная типичная словообразовательная парадигма. Анализ более 320 словообразовательных гнезд с вершинными иноязычными корнями дает возможность сделать вывод, что они структурированы вербальной, субстантивной, адъективной и адвербиальной зонами.

Двухзонные словообразовательные парадигмы глаголов с вершинными иноязычными корнями представлены субстантивной и

вербальной зонами, субстантивной и адъективной зонами: *агіт/ува́/ти* — *агіт-а́ціј(а)*, *агіт-а́тор*, *за-агітува́ти*, *по-агітува́ти*, *роз-агітува́ти*, *з-агітува́ти*; на второй и третьей степени деривации представлена тоже двухзонная словообразовательная парадигма (адъективная и субстантивная): *агіт/ува́/ти* — *агітаці́й-н-ий*, *агіт/проп*, *агіта́тор-ськ(ий)*; *агітаці́йн'-ість* (н/н'), *агітаці́йн-о-ма́сов(ий)*, *агіт-к(а)*; *акомод/ува́/ти* — *акомодува́ти-ся*, *акомод-а́ціј(а)*, *акомод-а́нт*; на второй ступени деривации представлена однозонная адъективная словообразовательная парадигма: *акомадаці́й-н(ий)*, *акомада́нт-н(ий)*; *апел'/ува́/ти* — *апелюва́ти-ся*, *апелюва́-н'н'(а)*, *апел'-а́ціј(а)*, *апел'-а́нт*; на второй ступени деривации представлена однозонная адъективная словообразовательная парадигма: *апеляці́й-н(ий)*, *без-апеляці́й-н(ий)*, на третьей ступени деривации представлена двухзонная адъективная словообразовательная парадигма (адвербиальная и субстантивная):

без-апеляці́йн-о, *без-апеляці́йн'-ість* (н/н'), *гіпостаз/ува́/ти* — *гіпостазува́ти-ся*, *гіпостазува́-н'н'(а)*; *дебют/ува́/ти* — *дебют-Ø*, *дебют-а́нт*, *про-дебютува́ти*, *дебют-н(ий)*; *дикт/ува́/ти* — *диктува́ти-ся*, *дикто́в-к-а*, *дикт-а́нт*, *дикт-а́т*, *по-диктува́ти*, *про-диктува́ти*, *контну́з/и/ти* — *контну́з'-іј(а)* (з/з'), *контну́ж-ен(ий)* (з/ж).

Приставки более автономны, чем суффиксы, поэтому присоединение приставок не ведет к формальным преобразованиям корневой морфемы. Префиксальные глаголы конкретизируют действие производящих глаголов. Установлено, что бесприставочные базовые глаголы относятся преимущественно к двухзонным словообразовательным парадигмам, а приставочных — к трехзонным словообразовательным парадигмам. Доказано, что субстантивные и адъективные суффиксы мощнее используют возможности морфонологической системы украинского языка, чем вербальные и адвербиальные. Морфонологические позиции детерминируют действие таких морфонологических правил: усечение глагольной основы при создании производных, консонантные альтернации (преимущественно нерегулярные) в корневой морфеме на втором и третьем степенях деривации (*аналіз/ува́/ти* — *аналіз*, *аналі́т-ик(а)* (з/т), *реаг/ува́/ти* — *реа́к-ціј(а)* (г/к), *аналі́т-ізм*), *претенд/ува́/ти* — *претэ́нз'-іј(а)* (д/з'), *інспект/ува́/ти* — *інспéкц'-іј(а)*¹ (т/ц'), депалатализация: *контро́л'/ува́/ти* — *контро́л-éр* (л'/л), изменение акцентной позиции из суффикса *-ува-* (фоматива) на формант: *конста́т/ува́/ти* — *конста́т-а́ціј(а)*, *культив/ува́/ти* — *культив-а́ціј(а)*, *культив-а́тор*. Необходимо отметить, что для производных вербальной зоны ударение позиции не меняет (*культив/ува́/ти* — *культивува́ти-ся*, *пере-культивува́ти*, *про-культивува́ти*), *лаві́р/ува/ти* — *за-лаві́рувати*, *від-лаві́рувати*, *про-лаві́рувати*; *пані́р/ува/ти* — *пані́рувати-ся*, *пастериз/ува́/ти* —

пастеризува́ти-ся. При образовании deverbatивов субстантивной зоны форманты *-аціј-*, *-атор*, *-иціј-*, *-итор*, *-ат*, *-ант*, *-ент* (*-емент*, *-исмент*), *-ер*, *-ад*, *-ур* (*-ату́р-*) у производных занимают сильную позицию (под ударением): *пастериз/ува́/ти* — *пастериз-а́циј(a)*, *пастериз-а́тор*; *делег/ува́/ти* — *делег-а́циј(a)*, *делег-а́т*; *перфор/ува́/ти* — *перфор-а́циј(a)*, *перфор-а́тор*; *публік/ува́/ти* — *публік-а́циј(a)*, *публік-а́тор*; *реестр/ува́/ти* — *реестр-а́циј(a)*, *реестр-а́тор*; *апел'/ува́/ти* — *апел'-а́циј(a)*, *апел'-а́нт*; *експед/ур/ува́/ти* — *експед-и́циј(a)*, *експед-и́тор*; *абон/ува́/ти* — *абон-е́нт*, *абон-е́мент*; *аплод/ува́/ти* — *аплод-исме́нт(u)*; *рафін/ува́/ти* — *рафін-а́циј(a)*, *рафін-е́р*, *рафін-а́д*; *армір/ува́/ти* — *арм/ату́р(a)*.

Необходимо отметить, что словообразовательные гнезда с вершинным глаголом иноязычного происхождения имеют определенную структуру, с набором необходимых словообразовательных средств, достаточно широко представлены на второй деривационной степени, а на следующих — их словообразовательная активность угасает. Для словообразовательных гнезд с удельным вершинным глаголом характерны трёхзонные словообразовательные парадигмы, а для словообразовательных гнезд с вершинным глаголом иноязычного происхождения — двух- и однозонные словообразовательные парадигмы. Доказано, что морфонологическую квалификацию словообразовательных гнезд определяет морфонологическая структура, морфонологическая позиция, морфонологическая трансформация и как результат морфонологического анализа — морфонологическая модель. Установлено, что deverбативному словообразованию с вершинным глаголом иноязычного происхождения свойственны такие морфонологические позиции: усечение мотивирующей основы, консонантные альтернации, наращивание форманта, палатализация, депалатализация, изменение акцентной позиции deverбатива. Морфонологическая позиция выполняет функции механизма выбора типа трансформации словообразовательных морфем, их влияние на глагольную основу.

Изучение морфонологических закономерностей отглагольных словообразовательных гнезд с вершинным глаголом иноязычного происхождения дает возможность сделать следующие выводы:

1. Введение в словообразовательную морфонологии понятия словообразовательное гнездо дает возможность изучать словообразование как иерархическую систему, а не просто совокупность производных, определять и прогнозировать морфонологические процессы в контактной зоне.

2. Типологическим признаком деривационных парадигм глаголов является их внутреннее структурирование по зонам deverбативов (за частями речи). Объединение deverбативов в автономные зоны в пределах

словообразовательной парадигмы дает возможность выявить морфонологические характеристики и адаптацию отглагольных дериватов.

Перспективу дальнейших исследований словообразовательной морфонологии deverbatивов усматриваем в изучении комплексных словообразовательных единиц (словообразовательных гнезд и словообразовательных парадигм), определении морфонологических трансформаций глагольных основ (корневых морфем) при создании трех-, двух- и однозонных производных современного украинского языка.

Список литературы:

1. Валух З. О. Словотвірна парадигматика іменника в українській мові. — К.; Полтава : АСМІ, 2005. — 350 с.
2. Вихованець І.Р., Городенська К.Г. Теоретична морфологія української мови. — К. : Пульсари, 2004. — 398 с.
3. Демешко І.М. Сучасна українська літературна мова. Вступ. Фонетика. Фонологія. Морфонологія. Орфоепія. Графіка. Орфографія. Лексикологія. Фразеологія. Лексикографія. Таблиці, схеми : навч. посібник. — Кіровоград: ПП «Інвест-Груп», 2008. — 264 с.
4. Земская Е.А., Кубрякова Е.С. Проблемы словообразования на современном этапе // Вопр. языкознания. — 1978. — № 6. — С. 112—123.
5. Исследования по глагольной деривации : сб. ст. [отв. ред. В.А. Плулунган, С.Г. Татевосов]. — М. : Языки славянских культур, 2008. — 384 с.
6. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика : Проблемы и принципы ее описания. — М. : Наука, 1977. — 315 с.
7. Лыков А. Г., Клечковская Г. А. Гнездо как высшая словообразовательная единица (к вопросу о соотношении и классификации единиц русского словообразования) // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика : сб. науч. трудов. — Краснодар, 1991. — С. 67—78.
8. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Курс лекций. — Самарканд : Изд-во Самарканд. ун-та им. А. Навои, 1971. — 387 с.
9. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка :
10. В 2 т. — [2-е изд., стер.]. — М. : Рус. яз., 1990.
11. Толстая С. М. Морфонология в структуре славянских языков. — М. : Индрик, 1998. — 318 с.
12. Федурко М. Ю. Морфонологія відіменникового словотворення. — К.; Дрогобич : Вимір, 2003. — 271 с.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ЖИТЕЛЕЙ СТРАН И КОНТИНЕНТОВ

Тонкова Елена Георгиевна

канд. филол. наук, старший преподаватель МарГУ, г. Йошкар-Ола

E-mail: eltonkova@yandex.ru

Последние десятилетия характеризуются возросшим интересом лингвистов к сопоставительной лингвистике, поскольку эта отрасль языкознания, предметом которой является сравнение двух (и более) языков, решает целый ряд насущных теоретических и практических задач.

Актуальность сравнительно-сопоставительного изучения славянских языков очевидна, так как данное направление помогает выявить общие и специфические законы развития славянских языков в целом и каждого славянского языка в отдельности. Одной из важнейших задач сопоставительной лингвистики, безусловно, является исследование деривационной системы славянских языков.

Сейчас в изучении славянского словообразования ставятся новые задачи, связанные с комплексным анализом структуры и функций словообразовательных единиц с последующим выявлением сходств и различий славянских языков и создание единой функциональной классификации славянских словообразовательных средств. Такой системно-функциональный подход к славянским словообразовательным аффиксам позволяет выявить закономерности в организации словообразовательных систем славянских языков, определить типологические сходства и различия между ними и на основе выявленных сходжений и расхождений представить общую картину дифференциации славянского языкового мира [2, с. 3].

В настоящее время наиболее распространенным способом словопроизводства субстантивов в русском и польском языках является суффиксация. Среди русских и польских суффиксальных образований интересным объектом исследования представляются имена существительные субстантивного происхождения, имеющие общее словообразовательное значение «житель или уроженец страны или континента».

Русские и польские существительные, называющие жителей стран и континентов, обладают особой словообразовательной структурой: исконно славянскими суффиксами осложняются интернациональные производящие основы, поскольку названия стран и континентов имеют общие корни во многих языках мира.

Необходимо отметить, что корни и аффиксы русских и польских субстантивов могут иметь разное звучание, например: *албанец* — *Albańczyk*, *белорус* — *Białorusin*, *босниец* — *Bośniak*, *датчанин* — *Duńczyk* и др. Данное явление обусловлено тем, что сопоставляемые языки относятся к разным группам славянских языков.

Примечательно, что некоторые производящие основы рассматриваемых русских и польских существительных осложнены одними и теми же славянскими суффиксами:

-анин (-янин) — **-anin**: *россиянин* (← *Россия*) / *Rosjanin* (← *Rosja*), *молдаванин* (← *Молдавия*) / *Mołdavianin* (← *Mołdawia*), *египтянин* (← *Египет*) / *Egipcjanin* (← *Egipt*);

-ин — **-in**: *армянин* (← *Армения*) / *Ormianin* (← *Armenia*), *грузин* (← *Грузия*) / *Gruzin* (← *Gruzja*);

-ат — **-at(a)**: *азиат* (← *Азия*) / *Azjata* (← *Azja*);

-ок — **-ek**: *турок* (← *Турция*) / *Turek* (← *Turcja*);

-ак (-як) — **-ak**: *поляк* (← *Польша*) / *Polak* (← *Polska*);

-ец — **-ec**: *украинец* (← *Украина*) / *Ukrainiec* (← *Ukraina*), *словенец* (← *Словения*) / *Słowieniec* (← *Słowienia*), *черногорец* (← *Черногория*) / *Czarnogórzec* (← *Czarnogóra*).

Самым распространённым способом деривации среди анализируемых русских и польских существительных оказалась нулевая суффиксация: *абхаз* (← *Абхазия*) / *Abchaz* (← *Abchazja*), *грек* (← *Греция*) / *Grek* (← *Grecja*), *казах* (← *Казахстан*) / *Kazach* (← *Kazachstan*), *словак* (← *Словакия*) / *Słowak* (← *Słowacja*), *туркмен* (← *Туркменистан*) / *Turkmen* (← *Turkmenistan*), *финн* (← *Финляндия*) / *Fin* (← *Finlandia*), *хорват* (← *Хорватия*) / *Chorwat* (← *Chorwacja*), *чех* (← *Чехия*) / *Szech* (← *Czechja*), *швед* (← *Швеция*) / *Szwed* (← *Szwecja*) и др.

Существование одинакового набора словообразовательных суффиксов объясняется генетическими связями русского и польского языков: от эпохи славянской языковой общности каждый славянский язык получил общие элементы, которые функционируют и в настоящее время. Это явление достаточно хорошо изучено и описано в научной литературе.

Гораздо больший интерес в плане изучения вызывают русские и польские субстантивы, мотивированные общей производящей основой, но осложнённые разными аффиксами, например: *англичанин* (← *Англия*) — *Anglik* (← *Anglia*), *австралиец* (← *Австралия*) — *Australijczyk* (← *Australia*), *болгарин* (← *Болгария*) — *Wiłgar* (← *Wiłgaria*) и т.п. Фиксируемая противопоставленность одноосновности и разноаффиксности подобных существительных позволяет говорить о явлении словообразовательной синонимии.

«Словообразовательная синонимия — это синонимия словообразовательных типов, характеризующихся одинаковыми словообразовательными связями, проявляющимися в общности производящих основ (синонимов), одинаковыми словообразовательными значениями, но разными словообразовательными средствами (синоморфемами)» [1, с. 151].

Словообразовательные синонимы обязательно являются и лексическими синонимами.

Словообразовательная синонимия (в сопоставительном аспекте) может быть типологизирована как внутриязыковая, т. е. синонимия, отмеченная внутри одного языка, русского или польского, и как межъязыковая, т.е. синонимия между однокоренными производными словами русского и польского языков. В рассматриваемом нами случае речь идёт о межъязыковой словообразовательной (суффиксальной) синонимии. «Межъязыковая словообразовательная синонимия — это синонимия лексических единиц, явившихся результатом разноаффиксного осложнения в близкородственных языках производящей основы, имеющей в этих языках генетическую общность» [1, с. 51]. Например: *укус* — *ukąszenie*, *темнота* — *ciemność*, *сукоцик* — *sukiennik* и т. п.

Среди существительных, называющих жителей стран и континентов, самым большим количеством примеров представлен тип межъязыковой суффиксальной синонимии, включающий русские образования на **-ец** и польские на **-czyk**, например: *анголец* (← *Ангола*) — *Angolczyk* (← *Angola*), *доминиканец* (← *Доминикана*) — *Dominikańczyk* (← *Dominikana*), *ирландец* (← *Ирландия*) — *Irlandczyk* (← *Irlandia*), *марокканец* (← *Марокко*) — *Marokańczyk* (← *Maroko*), *эстонец* (← *Эстония*) — *Estończyk* (← *Estonia*), *японец* (← *Япония*) — *Japończyk* (← *Japonia*) и др. Большое количество примеров объясняется высокой продуктивностью суффиксов —**ец** и —**czyk** именно в сфере образования наименований лиц по принадлежности к стране, территории, местности, где они проживают или откуда происходят.

Существуют и другие типы русско-польской интерсинонимии, представленные многочисленными примерами:

-ец / ø (нулевой суффикс): *азербайджанец* (← *Азербайджан*) — *Azer* (← *Azerbejdżan*), *бельгиец* (← *Бельгия*) — *Belg* (← *Belgia*), *испанец* (← *Испания*) — *Hiszpan* (← *Hiszpania*), *норвежец* (← *Норвегия*) — *Norweg* (← *Norwegia*), *шотландец* (← *Шотландия*) — *Szkot* (← *Szkocja*), *швейцарец* (← *Швейцария*) — *Szwajcar* (← *Szwajcaria*) и др.;

-анец / -anin: *костариканец* (← *Коста-Рика*) — *Kostarykanin* (← *Kostaryka*), *мексиканец* (← *Мексика*) — *Meksykanin* (← *Meksyk*), *американец* (← *Америка*) — *Amerykanin* (← *Ameryka*) и т. п.

Остальные типы межъязыковой суффиксальной синонимии представлены единичными примерами, так как практически все суффиксы (за исключением нулевого суффикса и польского аффикса *-czyk*) в обоих сопоставляемых языках являются малопродуктивными или непродуктивными именно в сфере образования существительных со значением «житель страны или континента». Русская морфема *—иот* является унификсом [3, с. 57]. См.:

-ец / -ак: австриец (← Австрия) — *Austriak* (← *Austria*), босниец (← Босния и Герцеговина) — *Bośniak* (← *Bośnia i Hercegowina*);
ø / -ин: белорус (← Белоруссия) — *Białorusin* (← *Białoruś*);
-ин / ø: болгарин (← Болгария) — *Bułgar* (← *Bułgaria*);
-чанин / -ик: англичанин (← Англия) — *Anglik* (← *Anglia*);
-иот / —(yj)czyk: киприот (← *Kypri*) — *Sypryjczyk* (← *Sypr*).

Таким образом, приведённые примеры свидетельствуют о том, что наибольшую продуктивность проявляют те типы межъязыковой словообразовательной синонимии, в которых оба суффикса являются высокопродуктивными (например, *—ец* и *—czyk*, *-ец* и *ø*).

В целом в словообразовательной системе языка жизненность и продуктивность какого-либо словообразовательного типа не являются неизменными: они ограничены рамками определенного периода. Исследование образований с различными суффиксами, их тщательный анализ могут вскрыть исторические тенденции в развитии деривационных систем русского и польского языков и ярче представить картину формирования частей речи в сопоставляемых языках.

Список литературы:

1. Балалыкина Э., Бартошевич А., Николаев Г. Русское словообразование для поляков. — Варшава, 1990. — 192 с.
2. Вендина Т. И. Дифференциация славянских языков по данным словообразования. — М.: Наука, 1990. — 168 с.
3. Рацибурская Л. В. Словарь уникальных морфем современного русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2009. — 160 с.

2.3. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕМПОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТОВ ДНЕВНИКОВ И ВОСПОМИНАНИЙ

Голубева Татьяна Ильинична

канд. филол. наук, доцент ГУУ, г. Москва

E-mail: Paloma60@mail.ru

Пошивайло Сергей Павлович

ст. преп. ГУУ, г. Москва

E-mail: Poshsp@mail.ru

Темпоральная структура текстов дневников и воспоминаний неразрывно связана с категорией модальности. Вслед за В. В. Виноградовым, который трактует модальность в широком смысле как точку зрения говорящего на отношение содержания высказывания к действительности [1, с. 38], большинство лингвистов рассматривают модальность как субъективно-объективную категорию на том основании, что всякое высказывание — это не только отражение явлений объективной действительности, но и выражение к ним определенного субъективного отношения.

Модальность в текстах дневников и воспоминаний (как и в других жанрах мемуарной литературы) имеет свои особенности. В ней усиливается (по сравнению с характером модальности в текстах художественной прозы) проявление как субъективных, так и объективных факторов. С одной стороны, модальность объективируется существованием независимого от человека объективного материального мира, социально-исторического времени, общего для участников коммуникации: автора и читателя. Воздействие на читателя объективных факторов, отражаемых в текстах дневников и воспоминаний, усиливается авторской установкой на подлинность и документальность воспроизводимого. С другой стороны, специфика модальности текстов мемуарных жанров заключается в том, что она направлена на самого автора: в дневниках — как на главное действующее лицо, в воспоминаниях — как на одного из участников воспроизводимых

событий, на чувства, мысли, на формирование личности, что значительно углубляет субъективную сторону модальности.

Модальность тесно связана с оценочностью, которая закладывается автором в текст в процессе коммуникации, несет информацию об авторской личностной оценке содержания высказывания, временных фактов и событий. Органичная тесная взаимосвязь категории модальности с оценочностью справедливо отмечается многими лингвистами. Е. М. Вольф видит в оценке «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [2, с. 14]. В диссертационном исследовании Л. Михневич оценочность рассматривается как один из основных и обязательных конституентов любого высказывания [4, с. 55]. И. Р. Гальперин называет категорию модальности субъективно-оценочной и также правомерно подчеркивает ее оценочный аспект и убедительно разъясняет, от чего зависит коэффициент модальности: «Коэффициент модальности меняется в зависимости от целого ряда причин — индивидуальной манеры автора, объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. Этот коэффициент тем выше, чем отчетливее проявляется личность автора в его произведениях» [3, с. 118]. В мемуарных текстах личность автора, который причастен всем событиям, отражаемым в произведении, проявляется особенно ярко и отчетливо. Выражение авторского «я», сильнейшая авторская субъективность в освещении всех реальных событий рассматривалась как важнейшая экстралингвистическая особенность текстов дневников и воспоминаний. Эта экстралингвистическая характеристика мемуарных жанров и определяет высокий коэффициент модальности текстов дневников и воспоминаний. В то же время для дневников и для воспоминаний можно отметить и некоторые различия в модальности. В текстах дневников модальность является результатом сильной эмоциональности в отражении фактов реальной действительности, которая, в свою очередь, объясняется значительной приближенностью происходивших событий к моменту их записей. В памяти автора еще очень свежи как сами факты и события, так и те впечатления, переживания, которыми они сопровождались. Поэтому и оценочность как важный компонент модальности в текстах дневников имеет чаще всего эмоциональный характер. В воспоминаниях, где между происходившими событиями и временем их отражения в произведении — значительный временной интервал, в проявлении субъективно-авторской модальности эмоциональный фактор может играть менее заметную роль: многое забылось, сгладились первые впечатления, эмоции. Оценочность приобретает в известной мере

рациональный характер. Однако коэффициент модальности не только не снижается, а в целом усиливается. Оценочность становится глубже за счет объективирующей функции времени в текстах воспоминаний, которая подтверждает или опровергает правильность первых впечатлений и оценок, первого осмысления. Ввиду значительной временной удаленности происшедших событий от их отражения в тексте воспоминаний возникает возможность подходить к одному и тому же событию или явлению с разных позиций, как бы оглядываясь на них с разным временным интервалом. Это не только усиливает в целом субъективность и психологичность повествования, но и углубляет оценочность как основной компонент субъективно-авторской модальности.

Эмоциональный характер субъективно-оценочной авторской модальности в дневниках и усиление ее рациональности в воспоминаниях находит выражение в использовании синтактико-стилистических средств для характеристики временных отношений текстов. В дневниках чаще используются выразительные средства, которые связаны с непосредственным проявлением авторских чувств, в то время как в воспоминаниях автор продуманно прибегает чаще не к выразительным средствам, а к стилистическим приемам, создающим экспрессию повествования.

Темпоральная структура текстов дневников и воспоминаний и, прежде всего, разветвленная система взаимодействия временных планов как основная лингвистическая характеристика мемуарной литературы способствуют повышению в них коэффициента модальности, предполагают авторскую оценку. Выделенные нами модели взаимодействия реального и мемуарного времен и анализируются в основном в плане наложения, соположения и противопоставления авторских оценок определенных временных событий.

Анализ текстов дневников и воспоминаний в плане выяснения взаимосвязи их темпоральной структуры с авторской модальностью выявил не только определенные различия в этом взаимодействии, но и показал, что указанные различия действуют и внутри каждого жанра в зависимости от его типа (информативно-фактологического и личностно-психологического), что является результатом прежде всего разной темпоральной структуры. Так, в дневниках и воспоминаниях информативно-фактологического типа, которые характеризуются простой темпоральной структурой с одним эксплицитно выраженным мемуарным планом, модальность проявляется в минимальной степени. В личностно-психологических дневниках и воспоминаниях, которые отличаются усложненной темпоральной структурой, где взаимодействуют два и более временных плана, автор глубже переосмысляет

прошлую информацию, оценивает ее с позиций настоящего (реального) времени, выражает к событиям разных мемуарных планов свое личностное отношение, поэтому авторская модальность значительно углубляется.

Рассмотрение личностно-психологических дневников и воспоминаний позволило проследить не только тесную взаимосвязь их темпоральной структуры с проявлением в них субъективно-авторской модальности, но и определенную закономерность этой взаимосвязи: чем сложнее темпоральная структура, чем больше временных планов переплетается в текстах, чем теснее они взаимодействуют, соотносятся и сопологаются, тем выше в этих текстах коэффициент модальности. Подтверждением может служить следующий отрывок из личностно-психологического дневника Г. Николсона:

“31 December, 1931

Of all my years this has been the most unfortunate (1). Everything has gone wrong (2). I have lost not only my fortune but much of my reputation (3). I incurred enmities: the enmity of Beaverbrook; the enmity of the BBC and the Athenaeum Club; the enmity of several stuffies (4). I left the Evening Standard (5). I failed in my Election (6). I failed over Action (7). I have been inexpedient throughout (8). My connection with Tom Mosley has done me harm (9). I am thought trashy and a little mad (10). I have been reckless and arrogant (11). I have been silly (12). I must recapture my reputation (13). I must be cautious and more serious (14). I must not try to do so much and must endeavour to do what I do with greater depth and application (15). I must avoid the superficial” [6, p. 97].

Ретроспективное повествование в этой записи включает итог целого года, и построено оно на взаимодействии временных планов: мемуарного (M_1) и реального. Прошлые события осмысляются и оцениваются автором с позиций настоящего реального времени. Первые три предложения принадлежат автору реального времени (показатель — НП — *has been, has gone, have lost*) и как бы предваряют повествование, одна часть которого относится к мемуарному плану (4, 5, 6, 7 предложения), а другая — к реальному (с 8 предложения и до конца фрагмента). Перечисления фактов и событий прошедшего года, конкретная объективная информация (имена собственные — Beaverbrook, Tom Mosley, названия — the BBC, the Athenaeum Club, The Evening Standard) — даны в мемуарном времени (формы ПИ — *incurred, left, failed*). Через сквозное использование НП (*has been, have lost, has done, have been*) автор соотносит действия прошлого (M_1) с настоящим (P) и показывает, как первое повлияло на второе и явилось причиной теперешнего состояния автора. Форма НП является в данном случае ведущим фактором времени, выступает в результативной

функции, показывает, что осмысление автором своих поступков прошлого есть результат приобретенного им опыта. Причины, приведшие к краху и неудачам, вскрываются в ходе повествования: вражда с Бивербруком, с Томом Мозли, отличавшимся крайней реакционностью не только во взглядах, но и в действиях. То, что автор называет этого реакционного деятеля просто по имени (Том), имплицитно раскрывает близость автора с этим человеком, а следовательно, и имплицитно характеризует реакционность автора дневника в то время. В целом весь фрагмент отличается эксплицитностью авторского «я», которая проявляется в абсолютной осведомленности автора о политической жизни страны и в его личном участии в ней, в авторских оценках и т.д. Высокая степень субъективности, эмоциональная насыщенность и авторская оценочность выражаются с помощью различных стилистических приемов: эпитета личностного характера (*unfortunate*), с которого начинается подведение итогов года, многочисленных перечислений (*the enmity of Beaverbrook; the enmity of the BBC and Athenaeum Club, the enmity of several stuffies*), повтора параллелизма (*I failed in my Election, I failed over Action*), эпитетов (*trashy, a little mad, reckless, arrogant, silly*), имеющих ярко выраженную коннотацию по отношению к автору мемуарного времени. Повтором глагола *must*, выражающего высокую модальность, автор дает советы самому себе, в чем проявляется интравертная дидактичность записи. Повторения местоимения: личного («I») — 14 раз, и притяжательного («my») — 3 раза — в свою очередь указывают на высокую субъективность при ретроспективном повествовании автора о причинах своего краха. Все вышеперечисленные средства усиления модальности отрывка взаимодействуют в этом плане с его темпоральной структурой, где автор, как видим, выступает в двух временных планах, переплетение которых обеспечивает глубину излагаемым фактам. Соотнесение взглядов настоящего (P) и прошлого (M₁) позволяет лучше понять причины, мотивы, природу определенных фактов и явлений, проявляет в полной мере субъективно-авторскую модальность, усиливает и делает более убедительной авторскую оценочность — важный компонент этой модальности.

Особенно отчетливо связь темпоральной структуры с субъективно-авторской модальностью прослеживается в текстах личностно-психологических воспоминаний. Рассмотрим под этим углом зрения отрывок из воспоминаний Дж. Хаймза:

“There are few people in one's life that leave much of a mark — a lasting one. Bogie surely did and, remarkably, Bogie does. No one who knew him, even a little, could forget him — neither could those who never knew

him at all. And no one would ever want to. He was able to cope with the world he lived in, no matter what it was, because of his purity of thought. He is the only man I have ever known who truly and completely belonged to himself. That was one of his major attractions for other men, I think...

He had absolute clarity of purpose. His friends... were in awe of his concept. "How did he do it all and how did he do it without being a bore, without sacrificing his wit, humour, his magic as a man?" He did it because his convictions about life, work, and people were so strong they were unshakable. Nothing — no one — could make him lower his standards lessen his character" [5, p. 7].

Фрагмент дан в двух временных планах: реальном и мемуарном. Автор использует взаимодействие этих временных планов, между которыми лежит значительный временной интервал, объективирующую функцию времени для того, чтобы усилить свое авторское отношение к отражаемым фактам, углубить свои оценки, подчеркнуть объективность выводов, к которым он пришел. Авторское отношение к человеку, о котором повествуется, его личностным качествам, чертам характера возникло не случайно и не одновременно, не «сейчас» — все это верифицировано временем. Взаимодействие временных планов служит одним из основных способов реализации авторской оценки. Начинается фрагмент с повествования в реальном времени, которое затем переходит в мемуарный план, вновь сменяется реальным и завершается мемуарным. О переходе из одной временной плоскости в другую свидетельствует смена глагольных форм с НИ — are, leave на ПИ — was able, lived, was, — затем на НИ и НП — is, have, have known — и вновь на ПИ — was, had, did, were. Взаимодействие разных временных планов демонстрирует модель наложения: происходит полное совпадение авторских оценок реального и мемуарного планов, которое непосредственно осуществляется параллельной конструкцией — *Bogie surely did and, remarkably, Bogie does*. В результате соотношения времен: восстанавливаемого прошлого и настоящего, наложением этих времен и полным наложением авторских оценок, которые принадлежат этим взаимодействующим планам, — автор может глубже раскрыть перед читателем Богарта как человека, усилить выражение своего личностного отношения к нему. Оценочный характер данного отрывка не вызывает сомнения. Модальность фрагмента проявляется, как видим, прежде всего во взаимодействии временных планов, и усиливается другими лингвистическими средствами: параллельной конструкцией, которая и сама по себе, по своему характеру, дает оценку Богарту и осуществляет наложение времен; повторением отрицаний — *no one*,

neither, never, no one. По характеру модальность этого фрагмента можно классифицировать как модальность, выражающую категоричность. Категоричность создается не только наложением временных планов (и раньше, и теперь Богарт был, есть и будет настоящей личностью), она усиливается и семантическим повтором — purity of thought — clarity of mind, и повтором — absolute — strong — unshakable (standards), создающим эффект нарастания, и параллельной конструкцией — How did he do it; и широким использованием эмоционально-оценочной лексики — absolute, the most talented, magic, unshakable, strong, major, и повтором наречий — surely, remarkably, truly, completely. Перечисленные средства в совокупности ярко высвечивают основные качества этого человека и усиливают категоричный характер авторских оценок, углубляя тем самым модальность фрагмента в целом.

Наиболее отчетливо субъективно-авторская модальность проявляется в темпоральной структуре тех личностно-психологических воспоминаний, где взаимодействуют не два временных плана (мемуарный и реальный), а несколько мемуарных времен соотносятся с реальным временем. Примером может служить фрагмент личностно-психологических воспоминаний В. Воллис:

“I began by not liking London at all. It seemed to me, a stranger, the most unfriendly community I had ever known — all cold, grey stone and dingy brick, ancient dampness and drabness, and a purposeful hurry and push in the streets. Indeed, an honest description of my original response to London would be that it evoked in me a bonedeeep dislike. There was about the city a pervading indifference, a remoteness and withdrawal that seemed alien to the human spirit... One can be more alone in London than in any other city in the world and coming to know it is a far more complicated process than, for example, coming to know Paris. That city is a feast to the eyes, something to be immediately savoured and shared. The difference between the two cities as has been remarked before, is that Paris is like a woman while London is like a man. In time, as my knowledge of English ways deepened, I was to change my first emotional impression of London. Like a weathered rock, the character of London partakes of the climate that envelopes it. Beneath the unpromising exterior lies the warmth of a banked fire” [7, p. 146].

Соотнесение и взаимодействие временных планов данного отрезка — трех мемуарных планов (M_2 , M_3 , M_4) и реального прежде всего связаны с проявлением авторской модальности, с оценочностью как основным ее компонентом, которая преподносится автором в разных временных ракурсах. Именно взаимодействие большого числа

временных планов показывает достаточно глубоко авторское отношение к Лондону, дистантная удаленность мемуарных времен от реального дает большую возможность Воллис переосмыслить свое первое впечатление относительно города. Оценки претерпевают большие изменения: от резко отрицательных до положительных. За счет смены оценки увеличивается модальность. Объективирующая функция времени, подкрепляемая тесным взаимодействием временных планов, далеко отстоящих друг от друга и от настоящего времени, придает объективный характер тому личностному отношению автора к Лондону, которое сложилось у нее к моменту написания произведения (то есть в реальном времени).

Суммируя изложенное, можно сказать, что взаимодействие временных планов в личностно-психологических дневниках и воспоминаниях, их соположение, наложение и противопоставление, в значительной степени выявляют в них авторскую модальность. Кроме того, отметим, что сравнительный анализ взаимосвязи темпоральной структуры текстов дневников и воспоминаний с проявлением авторской модальности в текстах этих жанров дал возможность проследить определенные различия в характере их взаимосвязи. В информативно-фактологических текстах исследуемых жанров (особенно в дневниках) с эксплицитно выраженным лишь мемуарным планом модальность проявляется в минимальной степени, в то время как в личностно-психологических дневниках и воспоминаниях усложненная темпоральная структура с чередованием и взаимодействием разных временных планов усиливает проявление авторского личностного отношения к описываемым событиям, частые смены оценок в воспоминаниях углубляют субъективно-авторскую модальность.

Список литературы:

1. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке// Труды Ин-та русского языка. — М. — Л., 1950. — Т.2 — с. 38—79
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 139 с.
4. Михневич Л. П. Модальность как информационный компонент смысла текста/ Дисс. ...канд. филол. наук. — М., 1986. — 215 с.
5. Nyams J. Bogie. The authorised biography introduced by Lauren Bacall. Mayflower Books. 1973. — 189 p.
6. Nicolson H., Diaries and letters. 1930—1939. — London, Vol.I, 1966. — 446 p.
7. Windsor Wallis. The heart has its reasons. — Lnd., 1956. — 381 p.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РИТОРИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В СВОБОДНЫХ РИТМАХ Ф. КЛОПШТОКА, Ф. ГЕЛЬДЕРЛИНА И Р. М. РИЛЬКЕ

Гончарова Мария Вячеславовна

канд. филол. наук, ст. преп. НМСУ «Горный», г. Санкт-Петербург

E-mail: maria_go@list.ru

Риторические обороты являются характерной особенностью лирического текста как такового благодаря заложенным в их природе диалогичности и экспрессивности. Риторические обороты во всем своем многообразии представлены в свободных ритмах Ф. Клопштока, Ф. Гельдерлина и Р. М. Рильке. Диалогичность риторических оборотов основана на содержащихся в их структуре семах вопроса или обращения, что предполагает наличие «реципиента», реального или воображаемого собеседника. Их эмоциональность базируется на сдвиге между синтаксической позицией и семантической функцией, который происходит в риторических оборотах. Так, в риторическом вопросе, не требующем ответа, происходит сдвиг от семы вопроса к различным другим семам (сообщение, утверждение, отрицание, сомнение). Все исследуемые нами авторы часто используют риторические вопросы и восклицания, однако стилистическое воздействие получается неодинаковым. Сравним следующие примеры:

Doch mit welchem Namen soll ich dich nennen,
Du, die unaussprechlich meinem Verlangen gefällt?
Heißest du Laura? ...

Wirst du Fanny genannt? Ist Cidli dein feierlicher Name?
Singer, die Joseph und den, welchen sie liebte, besang? [3, с. 7]

Для Ф. Клопштока весьма характерны включения нескольких следующих друг за другом риторических вопросов, сопровождающихся повышением экспрессивности в каждом последующем подобном элементе. Из одних риторических вопросов может состоять целая строфа или даже несколько смежных строф. Такие строфы отличаются повышенной динамикой благодаря большой концентрации экспрессивных элементов. Часто у Ф. Клопштока экспрессивное звучание таких строф поддерживается еще и лексико-синтаксическим параллелизмом строк и восходящей градацией (климаксом), как в приведенном выше примере.

Для Р. М. Рильке и Ф. Гельдерлина не характерно использование таких градуированных риторических оборотов. Как правило, у обоих поэтов количество соположенных риторических вопросов не превышает двух или, в редких случаях, трех:

... o, Jugend, und bringen Gebete
Dich nicht wieder, dich nie? führet kein Pfad mich zurück? [2, с. 76]
Hast du der Gaspara Stampa
denn genügend gedacht, daß irgend ein Mädchen,
dem der Geliebte entging, am gesteigerten Beispiel
dieser Liebenden fühlt: daß ich würde wie sie?
Sollen nicht endlich uns diese ältesten Schmerzen
fruchtbarer werden? Ist es nicht Zeit, daß wir liebend
uns vom Geliebten befreien und es bebend bestehn:
wie der Pfeil die Sehne besteht, um gesammelt im Absprung
mehr zu sein als er selbst. [4, с. 922]

Различие в употреблении риторических вопросов у обоих авторов состоит в том, что у Р. М. Рильке в вопросительных конструкциях отсутствует «напряжение реципиента» («Hörerspannung») [1, с. 66]. Если в свободных ритмах Ф. Клопштока и Ф. Гельдерлина вопрос обращен к некоему воображаемому собеседнику, то у Р. М. Рильке вопросы направлены внутрь себя и уже в своей развернутой синтаксической конструкции содержат ответ, поэтому зачастую в конце риторического вопроса у Р. М. Рильке отсутствует вопросительный знак:

Ist die Sage umsonst, daß einst in der Klage um Linos
wagende erste Musik dürre Erstarrung durchdrang;
daß erst im erschrockenen Raum, dem ein beinah göttlicher
Jüngling
plötzlich für immer enttrat, das Leere in jene
Schwingung geriet, die uns jetzt hinreißt und tröstet und
hilft. [4, с. 924]

Отсутствие вопросительного знака превращает вопросительное предложение в утверждение, которое звучит тем более экспрессивно, за счет того, что построено в вопросительной форме. Риторические вопросы в тексте «Дуинских элегий» не имеют «напряжения реципиента», даже если формально соответствуют вопросу и оканчиваются вопросительным знаком. Они звучат экспрессивно, волнуяще, и, являясь частью диалектического процесса размышления и познания, основаны на внутренних противоречиях автора. Риторические вопросы у Р. М. Рильке всегда выделены необычным синтаксисом, а также часто сильной позицией в тексте — начальным или конечным положением в стихе или строфе.

Wer, wenn ich schrie, hörte mich den aus der Engel
Ordnungen? [4, с. 921]

Вопрос, которым начинается цикл «Дуинских элегий», приобретает такую экспрессивность и внутреннюю направленность благодаря дистанцированной за счет анаколупа форме. Практически все вопросы у Р. М. Рильке выделяются дополнительно паузами, которые возни-

кают в результате взаимодействия самых различных средств. Иногда для усиления экспрессивности Р. М. Рильке использует вопросы с отсутствием предиката:

O Bäume Lebens, o wann winterlich? [4, с. 931]

Отсутствие предиката делает такие вопросы статичными, на них замедляется движение стиха, с помощью чего Р. М. Рильке выделяет важную для себя «вещь», «Ding». Экспрессивный синтаксис «Дуинских элегий» — это отражение стремления автора всесторонне выделить эту «вещь».

Включение в текст множества риторических восклицаний также являются характерными признаками свободных ритмов. Восклицания придают речи эмфазу. Для Ф. Клопштока и Ф. Гельдерлина множество восклицаний являются средством создания торжественного и возвышенного поэтического языка:

Singer! Fanny! ach Cidli! [3, с. 7]

Vater des Vaterlands! Mächtiger Äther! und du
Erd' und Licht! [2, с. 42]

Обычно восклицание сопровождается повышением каденции и, соответственно, ускорением стихотворного ритма. Однако у Р. М. Рильке часто встречаются конструкции, сходные с восклицаниями, но не сопровождающиеся повышением каденции. Вместо восклицательного знака на конце фраз, начинающихся междометием «о», Р. М. Рильке ставит точку. Само междометие «О» также не обособляется.

O des Blutes Neptun, o sein furchtbarer Dreizack.

O der dunkle Wind seiner Brust aus gewundener

Muschel [4, с. 927].

Это придает таким фразам скорее характер размышления, созерцания, чем восклицания. Р. М. Рильке с помощью таких необычных конструкций заостряет внимание на образе, как бы приостанавливая движение стиха. Предмет преподносится уже в свете внутренних переживаний поэта. Такого эффекта Р. М. Рильке достигает за счет не свойственной риторическим оборотам необычной пунктуации.

Список литературы:

1. Hardörfer L. Formanalytische Studien zu Rainer Maria Rilkes Duineser Elegien. Diss. Mainz, 1954. — 131 S.
2. Hölderlin Fr. Sämtliche Werke: Kritische Ausgabe / Hrsg. von D.E. Sattler. Bd. 6. Elegien und Epigramme, 1979. — 143 S.
3. Klopstock F.G. Klopstocks Oden und Elegien. Faksimiledruck der bei J.G. Wittich in Darmstadt 1771 erschienenen Elegien. / Mit Nachw. und Anm. hrsg. von J. U. Fechner — Stuttgart: Metzler, 1974. — 160 S.
4. Rilke R. M. Gedichte und Prosa. Köln: Parkland-Verlag, 1998. — 999 S.

«НЕРОВНЫЙ СТИЛЬ» В СВОБОДНЫХ РИТМАХ Ф. ГЕЛЬДЕРЛИНА

Гончарова Мария Вячеславовна

*канд. филол. наук, ст. преп. НМСУ «Горный», г. Санкт-Петербург
E-mail: maria_go@list.ru*

Написанные свободными ритмами элегии и гимны Ф. Гельдерлина — философские монологи, насыщенные ассоциациями, личными переживаниями и размышлениями поэта. Стремясь передать полифонию поэтической мысли, Ф. Гельдерлин прибегает к особому речевому стилю, который сам он условно называет «инверсией». Отвергнув логическое расположение мыслей, поэт пытается воссоздать мысль и ту жизнь, которая ее породила, в движении. Огромное значение для динамики его произведений имеет контрастное введение тем, их постоянное взаимопереплетение, чем создается явно осязаемое движение и скорость, и устраняются вялость и растянутость. Эмоциональное движение мысли создает при чтении впечатление фрагментарности, незаконченности, преодолеваемое лишь к концу строфы, а иногда и всего стихотворения.

Инверсией сам Ф. Гельдерлин называет ту особенность языка, которую исследователи его творчества (первым был Норберт фон Хеллинграт) назвали «неровным стилем» («harte Fügung»), позаимствовав данный термин из античной стилистики. «Неровный стиль» проявляется в непривычных для языковой нормы синтаксических связях между словами [1, с. 20]. Этот термин был заимствован из античной стилистики, где он обозначал особенности возвышенного стиля. В «неровном стиле» отдельное слово является само по себе тактическим единством, оно оказывается выделенным при помощи всевозможных языковых средств (как лексических и фонетических, так и синтаксических); привычное соединение слов здесь нарушается. «Неровный стиль» прерывает равномерное течение предложения, вынуждает «спотыкаться» на отдельном слове и придает ему тем самым дополнительный энергетический заряд. Б. Шмидт определяет характер данного явления следующим образом: «Неровный стиль» стремится к прочной связи между словами и использованию сильной позиции в расстановке слов таким образом, что каждое слово оказывается выделенным со всех сторон (путем помещения в сильную позицию текста, путем обособления, инверсии, enjambement); благодаря значительным паузам возникает эффект обособления отдельных частей предложения друг от друга» [3, с. 273—274].

С помощью инверсии Ф. Гельдерлин расставляет неожиданные смысловые акценты:

Allversöhnend und still mit dem armen Sterblichen
ging er,

Dieser einzige Mann, göttlich im Geiste, dahin [2, с. 53].

В данном примере мы наблюдаем, как автор нарушает последовательность «тема-рема» и помещает в начало предложения и в сильную позицию стиха важный для него эпитет «allversöhnend und still», ставя его тем самым под логическое ударение. Также нарушена грамматическая норма при постановке финитной формы глагола, которая смещена со второй позиции группой дополнения «mit dem armen Sterblichen». Таким образом, автор выделяет группу существительного. Инверсия является, таким образом, эффективным средством выделения слова, придания ему экспрессивности; это связано с постановкой слова под логическое ударение, а, следовательно, возможным изменением последовательности в тема-рема-ическом членении высказывания, а также с эффектом паузы, возникающей при чтении такой необычной, «затрудненной» синтаксической конструкции. Нарушение языковой нормы придает фразе эмоциональную окраску. Многообразие стилистических возможностей, заключенных в инверсии, особенно отчетливо проявляется в немецком предложении с его фиксированным порядком слов. В свободных ритмах мы уделяем пристальное внимание еще одной важной стилистической функции инверсии — отходу от узуальной нормы, деавтоматизации восприятия стихотворной фразы. Для свободных ритмов такое деавтоматизированное восприятие становится важнейшей характеристикой, ограничивающей данную поэтическую форму от прозы.

Неровный стиль выбирает исполненные достоинства, торжественные, величественные ритмы; он избегает одинаковых или подобных конструкций, или же конструкций, подчиненных какому-либо определенному строгому порядку, предпочитая благородство самостоятельных, свободных конструкций. Они должны быть ближе к природе, нежели к искусству, и быть подобными скорее пламенному чувству, а не чопорным манерам. Данному стилю свойственно необычайное разнообразие фигур речи; в нем мало связности, часто опущен артикль, не соблюдается естественный порядок слов; его можно назвать как угодно, только не грациозым и изящным: скорее, он гордый, своенравный и без прикрас [3, с. 274].

...die Schwärmerische, *die Nacht* kommt,

Voll mit Sternen und wohl wenig bekümmert um uns,

Glänzt die Erstaunende dort, die Fremdlingin unter den

Menschen,

Über Gebirgshöh'n traurig und prächtig herauf [2, с. 116].

В приведенном примере Ф. Гельдерлин разрывает синтаксические связи в предложении различными обособленными оборотами (обособленным определением, приложением, обособленным причастным оборотом). Но связь внутри предложения при этом не ослабевает, несмотря на разрозненное положение компонентов, группа существительного воспринимается как единое целое, несущее всестороннюю характеристику ядра.

«Неровный стиль» поддерживает стремление к мощи и краткости выражения, которое в ограниченном пространстве сталкивает огромное количество представлений, так как он выделяет каждое слово, давая ему возможность максимально развернуть свое значение. Единственное слово, выделенное таким образом при помощи инверсии, обособления, переноса, риторических оборотов, приобретает гораздо большую выразительную силу, чем многие слова, стоящие в предложении в привычном грамматическом порядке. «Неровный стиль» поддерживает также тенденцию к динамизации, так как, с одной стороны, частое прерывание предложения придает ему мощь, внутреннюю напряженность, а с другой стороны — такое многократно прерванное предложение, движущееся от весомого слова к весоному, требует очень большой энергии, чтобы постоянно сдерживаемое течение предложения не прекратилось окончательно.

Список литературы:

1. Hellingrath N. von. Hölderlin-Vermächtnis. Forschungen und Vorträge. Ein Gedenkbuch zum 14. Dezember 1936. — München, 1936. — 188 S.
2. Hölderlin Fr. Sämtliche Werke: Kritische Ausgabe / Hrsg. von D.E. Sattler. Bd. 6. Elegien und Epigramme. — 1979. — 143 S.
3. Schmidt B. Cezannes Lehre. — Kiel: Ludwig, 2004. — 335 S.

РОЛЬ АЛЛЮЗИИ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ С ИМЕНАМИ СОБСТВЕННЫМИ

Кропачева Ксения Игоревна

преподаватель ВятГУ, г. Киров

E-mail: kropachevak@yandex.ru

В современной лингвистической науке высок интерес к языковым репрезентациям лингвокультурных явлений в связи с их способностью отражать национальный менталитет. Аллюзия относится к таким явлениям. Это стилистическая фигура, которая содержит явное указание или отчётливый намёк на широко известный литературный, исторический, мифологический или политический факт. Частным случаем аллюзии являются аллюзивные антропонимы, которые представляют собой прецедентные имена, «основное неденотативное значение которых приобрело устойчивый характер и зарегистрировано в словарях» [5, с. 51].

Фразеологические единицы тоже являются своеобразным «зеркалом» национального образа мыслей, поэтому фразеологизмы с онимами могут рассматриваться как наиболее яркая репрезентация лингвокультуры. Они отражают систему ценностей народа, который является носителем языка.

Считается, что среди основных признаков фразеологизмов можно назвать семантическую спаянность компонентов, которая позволяет им «выступать в качестве единой семантически не расчленённой единицы языка, выражающей единое понятие предметности» [4, с. 81].

Фразеологические единицы с именами собственными в большинстве случаев не обладают такой степенью семантической целостности. Данная целостность, обусловленная отсутствием мотивированности значения фразеологизмов значениями слов, входящих в их состав, невозможна во многих фразеологических единицах с онимами вследствие огромного влияния последних на семантическое значение и аксиологические характеристики всего фразеологизма, частью которого они являются.

Можно выделить несколько сфер первичного употребления большинства онимов, входящих в состав фразеологических единиц. Это Библия, мифология и литература. Также значительная часть имён собственных, употребляющихся в фразеологизмах, принадлежит реальным людям, которые широко известны своими деяниями. Такие

имена собственные являются аллюзивными и обладают рядом специфических характеристик.

А. Н. Гладкова считает, что аллюзивные имена собственные являются примером вторичной номинации и содержат ярко выраженную оценочность, основанную на ассоциативных связях. Данная оценочность представляет собой материал для понимания менталитета народа, являющегося носителем языка. [1, с. 21—22]

Действительно, несмотря на изначальную мотивированность всех личных имён (*Rebecca* — «верная жена», *Agnes* — «чистая, непорочная, целомудренная», *Benjamin* — «любимый сын»), большинство имён собственных лежит вне семантики. Семантический аспект можно выявить только у прозвищ, так как именно они способны предоставить определённую информацию о том, кому они принадлежат. Преобладающей функцией у остальных имён собственных является номинативная.

Имя собственное в наибольшей степени связано с фоновыми знаниями. Оно включает в себя условия существования имени в обществе, связанные с ним культурно исторические ассоциации, а также степень известности объекта и его имени. В связи с этим имя собственное содержит множество компонентов: лингвокультурный, исторический, прагматический, лингвopsихологический и т. д. Именно этим можно объяснить популярность одних имён (например, количество новорождённых с именем *Jennifer* увеличилось после выхода романа Эрика Сигала «История любви» из-за того, что главную героиню звали Дженнифер Кавиллери) и исчезновение из именника других (после Второй мировой войны мальчикам перестали давать имя *Adolf*). Таким образом, большинству имён собственных «сопутствует не какое-то значение, а именно содержание» [3, с. 12].

При определённых обстоятельствах имена собственные могут приобретать значение. А. В. Суперанская упоминает о том, что они могут иметь побочные, дополнительные коннотации при условии, что именуемый объект достаточно хорошо известен. Если какая-либо из побочных коннотаций перерастает в главную, то у имени собственного появляется значение. [6, с. 113]

В таких случаях «имя того или иного литературного героя, исторической личности, получившее широкую известность, становится ... синонимом определённого понятия, связанного с теми или иными качествами данного лица» [2, с. 38]. Аллюзивное употребление таких онимов называется антономазией. Данные имена собственные оказывают существенное влияние на семантику и

оценочность всего фразеологизма, частью которого они являются, вследствие своей аллюзивности.

Например, фразеологизм *the old Adam* («греховность человеческой природы») содержит аллюзивное имя собственное *Adam*, которое является ссылкой на библейский сюжет о грехопадении первых людей на Земле. Данное имя собственное вносит во фразеологизм сему «грех» и отрицательную окраску.

В греческой мифологии говорится о Пифиасе и Дамоне, которые поразили тирана Дионисия проявлением обоюдного самопожертвования. Имена Дамона и Пифиаса приводятся в качестве примера двух верных друзей в фразеологической единице *Damon and Pythias*.

Также аллюзивностью обладают имена реальных людей. Например, фразеологизм *an admirable Crichton* обладает положительной окраской и употребляется, когда говорят о талантливом человеке и профессионале, так как именно таким был шотландский дворянин Джеймс Крайтон, обладавший потрясающими физическими и интеллектуальными способностями.

Таким образом, аллюзивные имена собственные обладают значением, что обычно не характерно для онимов. Это значение связано с их сферой первичного употребления и обуславливается качествами широко известного лица, которые и составляют значение аллюзивного онима. Являясь антономазией, данные имена собственные оказывают влияние на семантические и аксиологические характеристики фразеологических единиц, частью которых они являются, и не допускают полной семантической спаянности этих фразеологизмов.

Список литературы:

1. Гладкова А. Н. Отражение американской истории и культуры в американизмах, содержащих оценочный компонент значения [Текст] / А. Н. Гладкова // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 21. Часть I. / Отв. ред. М. С. Ретунская; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. — Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2000. — С. 21 — 25.
2. Гриценко Е. С. Типология перифраза [Текст] / Е. С. Гриценко, М. И. Толькова // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 21. Часть I. / Отв. ред. М. С. Ретунская; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. — Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2000. — С. 34 — 41.
3. Комова Т. А. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве [Текст] / С. И. Гарагуля, Т. А. Комова. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 160 с.

4. Кучешева И. Л. Лексико-семантический анализ имён собственных в составе английских и русских фразеологических единиц: лингвокультурологический подход [Текст] / И. Л. Кучешева // Иностранные языки в школе. — М.: ОАО «ЧПК», 2008. — Вып. 5. — С. 81 — 84.
5. Наумова Т. М. О роли аллюзивных антропонимов в формировании межконцептных связей внутри британской национальной концептосферы (на примере концепта *failure*) [Текст] / Т. М. Наумова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. 14. / Отв. ред. Б. А. Жигалёв; НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. — Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. — С. 51 — 56.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного [Текст] / А. В. Суперанская. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 368 с.

**ВАРИАТИВНОСТЬ НА ГРАФОФОНОЛОГИЧЕСКОМ
УРОВНЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
О НАИБОЛЕЕ СУЩЕСТВЕННЫХ ВАРИАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССАХ В ПОДСИСТЕМЕ СОГЛАСНЫХ
В СИСТЕМЕ СРЕДНЕНИЖНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА
НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ЖИВОТНОГО ЭПОСА
«РЕЙНКЕ ЛИС» (РОСТОК, 1539)**

Цапаева Сабина Юрьевна

докторант, университет г. Росток, г. Росток

E-mail: sabina@mail.natm.ru

При изучении древних форм языка принято не ограничиваться каким-то одним стандартным методом, ведь в арсенале лингвиста находится целая палитра проверенных временем и современных методик и техник описания языковой системы. С другой стороны, каждый такой метод может быть применён на различных языковых уровнях в разном объёме, как, например, вариационно-лингвистический подход принципиально может быть использован при анализе особенностей средненижнемецкого языка (далее: снн.) как на графофонологическом, так и в определённой степени на морфологическом, лексикосемантическом или синтаксическом уровнях. Наиболее уместно его использовать, однако, пожалуй, именно на графофонологическом уровне. Здесь для работы, очевидно, наилучшим образом

подходит специально составленный для этих целей и скорректированный в зависимости от заранее известных или гипотетически принятых характеристик языка каталог лингвистических переменных [10]. Так как в апрельском сборнике материалов конференции «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные вопросы и тенденции развития» текущего года [11] уже был сделан ряд вводных замечаний относительно вариативности языковых структур и вариационной лингвистики в целом, то автору данной статьи кажется правомочным перейти непосредственно к рассмотрению вариационных процессов в подсистеме согласных снн. (подробнее о вариационных процессах в подсистеме гласных см. [11]), не останавливаясь лишней раз на каких-то общих наблюдениях из раздела теории языка и вопросах классификации лингвистических дисциплин и методов. Тем не менее, следует повториться, что замечания, представленные в данной статье, являются очередными результатами исследования языка животного эпоса «Рейнке лис» (ср. *Reynke Vosz de olde, nyge gedruket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert*) 1539-го года в рамках текущего диссертационного проекта «Das Rostocker Tierepos „Reynke Vosz de olde“ (Ludwig Dietz, 1539) im Kontext der niederdeutschen „Reynke de Vos“-Überlieferung des 15. und 16. Jahrhunderts und der Rostocker Drucktradition der Mitte des 16. Jahrhunderts» (= «Животный эпос „Рейнке лис“ (Росток, типография Людвига Дица, 1539 г.) в контексте нижненемецкой традиции „Рейнке лиса“ XV—XVI вв. и печатной традиции Ростока сер. XVI века»).

Одной из характерных особенностей как современного нижненемецкого языка (нн.), так и снн. является устранение хиатуса [4, с. 71—72], т.е. стечения гласных на границе слога. В рассматриваемом тексте «Рейнке лиса» 1539-го года встречаются все пять возможных вариантов обозначения устранения хиатуса за счёт эпентезы: эпентезы /w/, /d/, /y/, /g/ и /h/ (для более чёткого разграничения понятий и избегания путаницы далее косыми скобками будут обрамляться графемы и аллографы, а квадратными — фонемы и аллофоны). При этом /w/, /d/, /y/, /g/ и /h/ используются в зависимости от их позиции, точнее, в зависимости от того, за какими гласными они следуют. Так /w/ стоит в постпозиции к /u/, /ou/: *vntruwe, Juwe, Frouwe, rouwe, schuwe*; /d/ — после /ou/, /ōu/: *froude, frōuden*; /y/ — после /o/ или /ō/: *gesloÿert, moÿesam, bloÿen*; /g/ встречается в слове *Heger*, /h/ находится в постпозиции к /e/: *ehere, weheklaget, sehen, vehetucht, smehung*. Редко встречаются примеры без какого-либо дополнительного обозначения хиатуса, т.е. гласный следует за гласным: *geschee, eeluÿde, Pryer, fryer, wee*. Из выше приведённых примеров следует, что эпентетические

согласные /w/, /d/, /y/, /g/ и /h/ используются для устранения стечения гласных на границе слога не факультативно. Необходимо отметить, что эпентеза /w/ и /d/ очевидно превалирует, что является характерной чертой именно вост.-снн. варианта снн., т.е. снн. в Мекленбурге, Померании и некоторых других «колониальных» землях, присоединённых к старым землям в ходе восточной экспансии (к старым, т.е. зап.-снн. диалектам относят вестфальский, остфальский и северонизненемецкий; географическая граница между зап.-снн. и вост.-снн. проходит с севера на юг по Эльбе).

Кроме того, одним из основных признаков северного снн. считается ассимиляция согласных /ft/ > /cht/. Как несложно понять, потенциально такое консонантное сочетание может встретиться в двух позициях: в корне слова и в суффиксе —*haft*. В исследуемом тексте такая подмена в корне практически не встречается: *sachtmōdyge*, *lucht*. С одной стороны, это может говорить о том, что данный процесс перехода привязан не только фонетически, но и лексически, с другой стороны, следует заметить, что существует не так много слов, в которых встречается сочетание /ft/ без сонанта: ср. *sachtmōdyge* = *sanftmütige* и *lucht* = *Luft*. Суффикса —*haft* региональная ассимиляция /ft/ > /cht/ снн. в Ростоке не затронула: *angsthafflich*, *warhafflich*, *volgehafftig*, *dorhafftiger*, *schalckhafftiger*, *schamhafflich*. Хочется подчеркнуть именно региональный характер и западную направленность вектора влияния этого процесса: в нидерландском языке действие ассимиляции затронуло все возможные позиции без исключений, что касается нижненемецкого ареала, то здесь ведущим оказался вестфальский вариант снн., где примеры такой ассимиляции встречаются чаще, чем во всё остальном снн. ареале [4, с. 73].

В написании многих согласных в снн. наблюдается разноречивой [4, с. 73] используемых вариантов. В частности, речь идёт о передаче на письме /g/, /k/, /y/, /ch/, /ng/ (используя знаки транскрипции: [g], [k], [j], [ç / x], [ŋ / ŋk]). В приставке *ge-* (встречается в формах причастия прошедшего времени, других глагольных формах и отглагольных дериватах) нормой является написание /g/: *gewiß*, *gedrückt*, *geswindicheit*, *glicknisse*, *gescheffie*, *affgemalet*, *gesehen*, *getruwen*, *gemeune*, факультативно используется вариант /gh/: *gherede*, *gheseten*. В словах с семантическим компонентом *gegen-* наблюдается наибольший разброс синонимичных вариантов без видимой функциональной или позиционной дистинктивности: *jegenwere*, *jegenrede*, *yegenwerdicheit*, *yegen*, *entyegen*, *beyegenth*. Можно с большой степенью уверенности сказать, что начальный согласный в компоненте *gegen-* произносился как полувзвонкий гуттуральный [y], так как в тексте ни

разу не встретился вариант написания *gegen-*. Доминантным оформлением инициального и медиального звонкого взрывного [g] в корне и суффиксе в позиции перед велярными гласными и согласными является написание через /g/: *gantz, gar, figuren, guder, Gades, thonegungen, Grôueste, gründtlick*, заметно реже встречается написание /gh-/ перед гласными низкой тональности: *ghan, ghât, beghunde*, причём однозначно оценить такое написание сложно. Дело в том, что в снн. /h/ мог использоваться в качестве нечитаемого маркера длительности предшествующего или даже впереди стоящего гласного [11]. В препозиции перед палатальными гласными [g] также обозначается через /g/: *egenschop, regeren, volgende, Regements, begeuen*, однако, здесь несколько чаще, чем перед гласными переднего ряда параллельно встречается написание /gh-/: *gheyt, ghynck, hengheuen, weghe*. В словах иностранного происхождения (в частности, в латинизмах) написание /gh-/ не встречается. В конце слова в соответствии со снн. принципом оглушения конечных звонких согласных мы находим два основных альтернативных варианта написания через /ch/ или /ck/: *dinck, lach, licht, koñincklyken, dorhafftich, weinich, sloech, lustich*, в виде исключения и, возможно, в определённой степени под влиянием морфологического орфографического принципа [10], встречается написание /gh/: *wegh, vrygh, vorskight*; в «проверочных» формах имеет место фактически инвариантное написание /g/: *mennichuoldigen, ytzigen, mannygem, slage, weniger, weg(h)e, alwege*.

Для обозначения глухого велярного взрывного [k] в тексте «Рейнке лиса» используются варианты /k/ и /ck/: *Reynke, Rozstock, ock, ick, syck, wercke, forke, gebruck, dencke, entdecket, klarlick, erkant, kundt, klus, Karynen, Krasseuot* и т. д. В отыменных прилагательных со словообразовательным суффиксом *-lick* также встречается как «двойное», так и одинарное написание без видимого функционально обусловленного противопоставления: *sidlikem, lauelyken, etliken, varliken, ytzlyker, denstlick*. В сочетаниях с сонантами [n], [l] или вибрантом [r] однозначно преобладает «удвоенная» реализация: *Henninck, Greuinck, Koñinck, Schalck, solcker, merckende, danck, starck, forke*. Потенциальная дистинктивность аллографов /k/ и /ck/ в постпозиции, соответственно, к долгому / краткому гласному в анализируемом тексте не прослеживается: *spraken / sprack, gebruck / gebrûket*.

Палатальный аппроксимант [j], стоящий преимущественно в инициальной позиции выражается на письме двумя, очевидно, равноценными вариантами [j] и [y]: *der jen[n]en, jennich, jennigen, jemant, jemande, yenniger, yemandt, yennich*. Такая вариативность и взаимозаменяемость говорят о том, что к XVI-му веку в снн. не

сложилось чёткого одно-однозначного звукобуквенного отношения касаясь реализации щелевого сонорного [j].

Глухой палатальный спирант [ç] (т.н. *ich-Laut*) и глухой веларный спирант [x] (т.н. *ach-Laut*) между собой графически не различаются [3, с. 130]: *erluchtet, Ludowich, fruchtbar, Nicht, Recht, vnderrichtungen, Dennoch*. Бесспорно, оба спиранта в совокупности (подразумевается, что спиранты [ç] и [x] являются позиционными аллофонами) противопоставляются глухому глоттальному щелевому [h] (т.н. *Nauchlaut*) как фонологически, так и графически: *warheyt, bechendicheyt, wyßheit, hat, hyr, heue, helfen, Hyrmit, vorhöldt*. При этом особо следует заострить внимание на том факте, что щелевой [h] в позиции суффикса зачастую реализуется как /ch/, несмотря на норму /h/ (понятие нормы в данной работе используется крайне относительно и осторожно, потому что, как известно, нормы в строгом смысле этого слова не существовало [1—4, 9—11]).

Веларный носовой согласный [ŋ] встречается в конце слова либо в рамках корня (очень редко [ŋ] находится в середине слова: искл. *hengst*), либо в рамках суффикса *-ung/-ing*. Следуя фонетическому принципу орфографии, в конечной позиции преимущественно мы имеем написание /nck/: *dynck, lanck, ganck, vthganck, ghynck, spranck, entspranck*. Напротив, морфологическому принципу подчиняется написание словообразовательного суффикса *-ung/-ing*: *Vorachtung*, впрочем, хочется сделать акцент на том, что в тексте избегается употребление суффикса *-ung/-ing* в позиции абсолютного конца слова, т.е. слово удлиняется за счёт эпентетического /e/, тем самым [ŋ] уже внутри слова разбивается на два отдельно оформленных (относящихся к разным слогам) звука [n] + [g]: *vormanu[n]ge, wolmenunge, thonegungen, beschriiunge, vnderrichtungen, vnderwisungen, vorschriiunge*. К сожалению, можно только гадать, переходил ли в этом случае веларный носовой в переднеязычный носовой, и насколько полноценно (полнозвучно) произносился звонкий [g] на практике.

В следующем подпункте хочется рассмотреть и прокомментировать вариативность, связанную с воплощением графемы /s/, а также сочетания /s/ с другими согласными. Начнём с сочетания согласных с /s/. Перед сонорными /m/, /n/, латеральным /l/, спирантом /w/ и дрожащим [r] исследуемый источник обнаруживает простое /s/: *geswindicheyt, gesmehet, snelle, geslagen, smeichlen, geswinde, slaen, geslecht* и т. д. Консонантные сочетания /schl/, /schm/, /schn/, /schw/ и /schr/, без сомнения, являются характерными для снн. позднего периода (1530—1650), однако, в такой форме их следует ожидать, скорее, в источниках второй половины XVI-го века [1, с. 173; 4, с. 74; 6, с. 107].

Фонетический переход [sk] > [ʃ] ([š]) отражается в тексте «Рейнке лиса» инвариантным /sch/, что однозначно свидетельствует о том, что к середине XVI-го века этот процесс полностью завершился [4, с. 74; 6. с. 107] и был закреплён графически, включая, что немало важно, формы модального глагола долженствования: *schal, schulde, schouen, schicken, thuchtscholle, beschriiunge, schryfften, twisschen, versche* и т. п.

Графема /s/ в исследуемом тексте представлена семью аллографами: т.н. маленьким круглым /s/ (*rundes /s/*), т. н. длинным /ʃ/ (*langes /ʃ/*), /β/, /ß/, /ʒʃ/, /ʃʃ/ и /ʒ/ (только в данном подпункте для чёткого разграничения вариантов примеры с круглым и длинным /s/ будут указаны с использованием специальных знаков, в остальных примерах (см. примеры выше и ниже) это противопоставление будет опущено в силу избыточности; в остальной части текста /ʒ/ для удобства также заменяется на аналог — /z/). Длинное /ʃ/ встречается в начале: *ʃidlikem, vorʃtande, auerʃettet, sege, ʃian* и в середине слова: *lyʃt, vaʃt, vnderwyʃungen, Areʃtotelis, meʃteryne* и является графическим воплощением как глухого [s]: *luʃtich, denʃtlick*, так и звонкого альвеолярного спиранта [z]: *wefent, ʃychtbarlyke*. Круглое /s/, соответственно, находится в финальной позиции: *Areʃtotelis, Regements, auers*, либо в начале слова в качестве маюскула (для длинного минускульного /ʃ/ нет отдельной заглавной буквы): *Stadt, Sampt, Stende, Spegel, So, Stadtmuß*. Относительно редко встречается аллограф /β/, причём, наиболее редко и в виде исключения (или опечатки?) в инициальном и медиальном положениях: *βo, βe, alβo, wußheit, laβ, boβhafftigen, alβ, glaβ, deβgelicke*. Очевидно, аллограф /β/ является вспомогательным графическим элементом в тексте и функционирует в качестве факультативной равнозначной замены без особой дистинктивной функции. Возможно, в некоторых примерах /β/ и используется для дополнительного выражения оглушения согласного, однако, исходя из неравномерного эпизодического употребления этого аллографа, смею предположить, что /β/ не несёт какой-то специальной нагрузки, тем более, что для всех без исключения примеров с одиночным /β/ в тексте для сравнения встречается «нормальное» написание с /s/ или /ʃ/. Своего рода экзотизмами являются варианты /ß/ и /ʒʃ/, выражающие на письме глухой [s] во внутренней или конечной позиции: *Voffß, Rozʃtock*. Аллограф /ʒ/, очевидно, не является типичным для снн. Ростака первой половины XVI-го века. По всей видимости, он применяется только для дополнительно обозначения звонкости [z] в интервокальной позиции: *orloze, loze* или в слове *alzo* (исключение). Диграф /ʃʃ/, судя по всему, обозначает краткость предыдущего гласного: *voffe, deffen, gelickeniffe*. Также он встречается на стыке морфем: *deffulügen*. Обобщим сказанное

в данном подпункте: основными реализациями [s ~ z] являются круглое /s/ и длинное /ʃ/, альтернативные варианты /β/, /β̃/, /zʃ/, /ʃ/ и /z/ можно назвать рецессивными для исследуемого текста.

В [11] были рассмотрены случаи употребления /i/, /j/, /y/ и /u/, /f/, /ff/, /v/, /w/ в качестве гласных, теперь стоит обратиться к их консонантной реализации. Несмотря на то, что вопрос реализации /y/ в некоторой степени пересекается с рассмотренными выше вопросами, хочется здесь ещё раз подытожить сказанное с иного ракурса. В ростокском «Рейнке лисе» /i/ в функции согласного не встречается, /j/ и /y/ синонимично используются в инициальной превокальной позиции [3, с. 106]: *Juwe / jw / uw, Ja / yo, jar / yar, jemande / yemandt, junck, der jennen, jümmer, Jodoch, Jütte, yammerlick, Johan, Julius, affgeyaget, Jaherren*. Кроме того, мы находим /y/ в интервокальной позиции в функции маркера устранения хиагуса или в качестве продукта ленизации [j], [g], [d] [11]: *moÿesam, moye, Kreyant, Eyer, beyegent*. С большой долей уверенности можно утверждать, что в выше перечисленных позициях /j/ и /y/ являются графическими реализациями палатального [j]. В словах с компонентом *gegen-* /j/ и /y/, вероятнее всего, являются воплощением гуттурального [ɣ]: *jegen / yegen / jegenrede*.

Губно-зубные спиранты [f] и [v] в исследуемом тексте графически представлены следующими вариантами: /u/, /f/, /ff/, /v/, /w/, /ph/. При этом диграф /ph/ встречается исключительно в словах иностранного — латинского или греческого — происхождения, как, например, *Philippides, philosophye*. /u/ служит для реализации как глухого, так и звонкого спиранта и всегда находится в срединной позиции: *lauelyken, mennichuoldigen, darneuen, Derhaluen, vnuro*. В отличие от /u/ аллограф /v/ встречается исключительно в начале слова (или морфемы) в превокальной позиции: *vorstande, van, Vosse, vull, vast, varliken, vorrede, varet, valsche, voÿen*. Чрезвычайно редко в тексте встречаются примеры сочетания согласных, вводимых /v/: *vleisch, vloëkede*. Обычно /v/ обозначает глухой согласный, однако, в виде исключения может воплощать и звонкий [v]: *vordt, vindt*. Также для обозначения глухого [f] в источнике используется одиночный /f/ в начале или конце слова, перед гласными или в сочетаниях с плавными /l/, /r/ [2, с. 52; 3, с. 126]: *fremde, figuren, fabel, figurert, fruchtbar, framen, Erfarenheit, deaf, lichtferdige*. В отличие от /v/ одиночный /f/ встречается в заимствованиях и иностранных словах. Двойной /ff/ в медиальной или финальной позиции в большинстве случаев указывает на краткость предыдущего гласного и, очевидно, является письменным воплощением глухого спиранта: *gescheffte, vyff, hefft, straff, daraff, Liffsaken, droÿfnisse, stanhaffticheit*, впрочем /ff/ может стоять и после

долгого гласного: *lefflyker*, однако, это, скорее, исключение из правила. /w/, по большей части, выражает звонкий согласный: *gewiß, Ludowich, wesent, geschwindigkeit, wertu, wol, welcker, werendt, vnderweisungen*, однако, из некоторых примеров следует глухое произношение: *wreueler, wreueligen, wriceen*. Т. е. /w/ может находиться в инициальной позиции или внутри слова. Кроме выше указанных позиций, /w/ может выполнять функцию маркирования устранения хиатуса или альтернативно обозначать долготу предшествующего гласного: *vntruwheit, truwe*, однако, этот вопрос до конца не изучен. Иногда сложно прийти к однозначному выводу относительно письменных воплощений определённых звуков и наоборот. В частности, на данный момент нет однозначного ответа на вопрос произношения /w/ в качестве разделительного согласного.

Следующая графема, которую нельзя обойти вниманием, — графема /r/. Основными минускульными вариантами графемы являются печатный /r/ и курсивный /r/ (Haken-r; следует отличать наклонное и курсивное написание). Аллографы /r/ и /r/ относительно чётко различаются по функциям. Так /r/ преимущественно является графической реализацией т.н. консонантного [r] / [ʀ] во всех возможных позициях: *rede, regeren, fremde, Truwe, Leren, framen, fruchtbar, creatures, Arestotelis*, в то время как /r/ выражает вокализированный [e]: *vorstande, vorrbetert, daruor, vorklenung, Torne, dorch, wordt, orsaker, horerye, berört, thor*. Однако такое жёсткое и категоричное разделение, основанное на особенностях формата, не совсем правомочно постольку, поскольку печатный /r/ также встречается в позиции ауслота: *gar, Welcker, solcker, Leser, der*, т.е. обозначает вокализированный [e], а курсивный /r/ во внутренней позиции слова: *twedracht, gebrecklyken, bedragen, brynge, prale, Brun, sprecken*. Впрочем, как несложно заметить, в данном аспекте наблюдается отчётливая закономерность, поэтому можно подвести некоторый итог. Курсивный вариант графемы используется для обозначения вокализированного [e] после гласного заднего ряда [ɔ ~ o:] как в односложных, так и в сложных словах, после умлаутизированного [œ ~ ø:] и аллографа /y/, кроме того, в сочетании с глухими и звонкими взрывными согласными (билабиальными [b], [p] и дентальным [d]) и в постпозиции к спиранту [ʃ]: *schryft*. Печатный вариант фонемы стоит в поствокальной позиции к гласным переднего [a ~ a:], [i ~ i:], [ε ~ e:] и заднего [u ~ u:] ряда (как в префиксах, так и в суффиксах), а также во всех позициях, не занимаемых курсивным /r/. В качестве заглавной буквы для обоих аллографов используется печатный /R/: *Reynke, Rozstock, Recht*. На стыке морфем, первая из которых заканчивается на вокализированный

[e], а вторая начинается с консонантного [r] / [R], как правило, встречается двойной печатный [r]: *vnderrichtungen, vnderricht*. В виде исключения находим одиночный пример двойного курсива: *vorraden*.

В заключении рассмотрим вариативный диграф /dt/, графические варианты глухой альвеолярной аффрикаты [ts], функции постконсонантного /h/ и правила употребления тильды. Начнём с рассмотрения скопления согласных /dt/ в позиции конца слова. В исследуемом тексте представлено три варианта этой графемы: /t/, /th/, /dt/. Доминирующим в данном ряду является диграф /dt/. Он встречается как в более крупных скоплениях согласных: *vorstandt, vorholdt, werlt, gewaldt, Grymbardt, hełdt*, так и в поствокальной позиции: *nydt, Stadt, Godt, gudt, ydt, woldadt, tydt, dadt, quadt*. При удлинении слова, например, за счёт эпентетического /e/, /dt/ переходит в /d/: *wordt > sprickworde, Standt > Stande, Landt > Lande, ytzundt > ytzundes*. Вариант /th/ является вторым по частотности. В большей степени, он встречается в односложных словах, например, предложениях, местоимениях, артиклях или коротких формах модальных глаголов: *mith, moth, vth, inth, dath, wath*, а также в производных от них формах и сложных словах: *vthropen, heruth, Daruth*. Некоторые формы с /th/ имеют конкурирующее альтернативное написание через /t/: *wat, dat*. Помимо односложных слов /th/ встречается в конечной позиции в следующих словах: *groth, grothmodicheit, nothdwanck, Goliath, Gyremoth, Cratzeuoth*. Существует гипотеза о том, что /h/ в данном случае является маркером долготы гласного, несмотря на то, что он находится в дистантной позиции. Подробнее о функциях постконсонантного /h/ см. ниже. Возвращаясь к вопросу вариативности /dt/, следует отметить, что написание /dt/ является графической традицией не только в снн., но и в средне- и ранневерхненемецком языках. Такое скопление согласных долгое время не воспринималось как излишнее, однако, к концу XVI-го века можно ожидать, что отношение графемы и фонемы стало двигаться в направлении одно-однозначного соответствия. Данное развитие графемике определённно не затронуло снн. Роста по состоянию на 1539 год.

Воплощения аффрикаты [ts] в «Рейнке лисе» условно можно подразделить на два подтипа в зависимости от их происхождения: аффриката в латинизмах и аффриката в снн. словах. В словах латинского происхождения в анализируемом тексте графическое выражение соответствует исконному, т.е. исходному латинскому: /c/ как в *Cesar, Tacitus, Sicilien, Cicero, Luciper, Ercipiert*, /t/ как в абстрактных словообразовательных субстантивных суффиксах со значением результативности, обозначения действия или состояния: *Condition, Lectie[n], Institia, Co[n]scientie, Politie*. В снн. словах

наиболее часто встречается диграф /tz/: *Frantzossysscher, gantz, seltzen, Dyetz, ytzlyker, Vofßschwentzer, Finantzer, Spitzhöde, glantze, Cratzeuoth, dantz* и т.д. Альтернативный диграф /cz/ используется значительно реже: *czeg, Czegebenock*. В виде исключений представлены одиночные варианты *gansz* и *pelze*. Т.о. мы имеем дело с достаточно структурированной и позиционно обусловленной совокупностью графических средств для обозначения аффрикаты [ts].

Постконсонантный /h/ встречается, в первую очередь, в позиции ауслота. В рассматриваемом снн. источнике мы находим примеры с /h/ как в аутосемантических: *anegthöget, thuchtschole, Athen, gestalth, Grünthlyker*, так и в синсемантических словах: *dath, wath, mher, inth, vth, tho, nha*. Впрочем, в служебных словах и приставках, перешедших из разряда предлогов, постконсонантный /h/ появляется заметно чаще: *thouormercken, thouorstan, thoreten, thonegungen, thodrecht*. Можно предположить, что факультативный /h/ в служебных словах служит для достижения определённого графического равновесия и повышения удобочитаемости текста. На протяжении всего текста заметно, как автор (или печатник) избегает слишком коротких слов, доводя их до минимального трёхбуквенного вида: *jn > jnn, na > nha*. Возникает вопрос: если эта гипотеза верна, то используется ли постконсонантный /h/ в функции, известной нам на примере современного нн., т.е. в качестве знака долготы. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо найти примеры, в которых /h/, без всякого сомнения, выполняет именно эту функцию. /h/ в словах с долгим гласным явно факультативно встречается в следующих примерах: *moth, noth, groth, vth, leth*. Конечно, долгота гласного не обозначена никаким другим образом (о возможностях фиксации долготы гласного см. [11]), но конкретно в данных случаях в этом нет необходимости. Руководствуясь морфологическим принципом, мы получаем открытый слог в *van nöden, grottem, Grothmoðicheit*. С другой стороны, постконсонантный /h/ встречается в словах с явно кратким гласным: *dath, wath, mith, inth*. Иными словами, очень сложно определить, каково назначение /h/ в постпозиции к согласному. Единственное, что хотелось бы ещё отметить в данном пункте, это то, что /h/ стоит после /t/: *werth, anihöget*, значительно реже после /g/: *Fryghdanck, geneghet, ghey, ghar, ghanck, dagh*, в виде исключения (опечатки?) после /m/, /n/ и /t/: *mher, nha, berhömen*.

Последний аспект, привлечённый для рассмотрения в данной статье — правила употребления тильды (Nasalstrich). Под тильдой в нашем контексте понимается типографический знак в виде волнистой черты. Этот изогнутый надстрочный диакритический знак в снн., в первую очередь, обозначает назализацию гласного, над которым он

встречается. В таком случае сам сонорный согласный не прописывается: *tohāt, creāt, genāt*. В «Рейнке лисе» тильда может появиться в любой позиции от префикса, суффикса и окончания вплоть до корня: *wēte, vorhādē, herūme, meinūge, einē, kamē, menschē*. При этом она может подразумевать наличие либо губно-губного [m]: *kūpt, nām, warūme*, либо переднеязычного (не велярного) [n]: *schō, allenhaluē, gelōuē, hēninck, merckē*. Несомненно, тильда в качестве заместителя /n/ встречается на порядок чаще, так как /n/ входит в состав многих суффиксов и окончаний (здесь следует напомнить, что в снн. нет чёткого разграничения форм аккумулятива и датива, что приводит к т.н. единому падежу, однако, этот вопрос в меньшей степени относится к фонетике, чем к морфологии, поэтому далее этот аспект подробно рассмотрен не будет). Также следует отметить традиционное сокращённое написание предлога *vnde > vñ*. Такое сокращение сложилось исторически и характерно не только для снн., но и для средне- и ранневерхненемецкого языков. Необходимо, однако, подчеркнуть, что в данном случае тильда выступает не в качестве знака-заместителя носового согласного (тильда = Nasalstrich), а именно в качестве аббревиатуры (тильда = Tilde). Интересно заметить, что принципиально существует два варианта написания надстрочной тильды — волнистая чёрточка и прямая линия, но в рассматриваемом тексте тильда встречается только в виде изогнутой линии. Во всех без исключения случаях тильда используется для искусственного сохранения печатного места в строке, т.е., что характерно как для средневековых рукописей, так и для инкунабул и первых печатных книг, как знак сокращения слова.

Подводя итог выше сказанному, нужно отметить, что подсистема консонантизма, так же как и подсистема вокализма, в системе снн. в высшей степени вариативна. Причинами такой непоследовательной фонетической реализации на графическом уровне могут быть как вполне языковые, так и экстралингвистические факторы от человеческого фактора и доминирующего языка «Королевы Ганзы» Любека до влияния недостаточной нормированности снн. на письменное отражение языка. На данный момент кажется возможным подтвердить тезис, высказанный в [11]: вариативность ростокского варианта снн. первой половины XVI века на графофонологическом уровне очевидна. Во многих случаях имеет место функционально или позиционно обусловленное распределение вариантов графофоном (в таких случаях можно говорить о видимых дистинктивных различиях), реже встречаются дублетные примеры с взаимозаменяемыми аллографами. Следующим шагом в анализе вариативности снн. на

графофонологическом уровне станет изучение периферийного вопроса вариативности на границе между графофонологическим и морфологическим уровнями, т. е. в рамках и на примере ассимилированных форм.

Список литературы:

1. Цапаева С. Ю. Variablenlinguistischer Ansatz zur Erforschung des phonologisch-graphematischen Teilsystems des Mittelniederdeutschen am Bsp. des Rostocker Tierepos „Reynke Vosz de olde“ (Ludwig Dietz, 1539) // Мат-лы Всер. конф. с междунар. уч. «Язык, лит-ра и перевод в социокульт. аспекте». — Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2012 (в печати).
2. Цапаева С. Ю. Вариативность на графофонологическом уровне: предварительные замечания о наиболее существенных вариационных процессах в подсистеме гласных в системе средненижнемецкого языка на примере языка животного эпоса «Рейнке лис» (Росток, 1539) // «Филология, искусствознание и культурология: актуальные вопросы и тенденции развития» мат-лы междунар. заоч. науч.-пр. конф. (16 апреля 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012 (в печати).
3. Lasch A. Mittelniederdeutsche Grammatik (Sammlung kurzer Gramm. germ. Dialekte, A. Hauptreihe, 9). — 2. Aufl. — Tübingen: Niemeyer, 1974. — 286 S.
4. Lübben A. Mittelniederdeutsche Grammatik: Nebst Chrestomatie und Glossar. — Leipzig: T.O. Weigel Verlag, 1882. — 221 S.
5. Nybøle R.S. Reynke de Vos: Ein Beitrag zur Grammatik der frühen Lübecker Druckersprache. — Neumüster: Wachholtz Verlag, 1997. — 296 S.
6. Peters R. Katalog sprachlicher Merkmale zur variablenlinguistischen Erforschung des Mittelniederdeutschen [сокр. Katalog] // Niederdeutsches Wort 27. — Münster: Aschendorff Verlag, 1987, S. 61-93.
7. Peters R. Katalog // Nd. Wort 28. — Münster: Aschendorff, 1988, S. 75—106.
8. Peters R. Katalog // Nd. Wort 30. — Münster: Aschendorff, 1990, S. 1—17.
9. Reynke Vosz de olde, nyge gedruket, mit sidlikem vorstande vnd schonen figuren, erluchtet vnd vorbetert — Rostock: L. Dietz, 1539. — CCLXXII Bl.
10. Sodmann T. Reynke de vos, Lübeck 1498. Faksimile der Wolfenbütteler Inkunabel. — Hamburg: Kötz, 1976. — 242 Bl.
11. Temmen M., Das „Abdinghofer Arzneibuch“: Edition und Untersuchung einer Handschrift mittelniederdeutscher Fachprosa. — Köln: Böhlau, 2006. — 460 S.

2.4. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕТАФИЗИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ В КАЗАХСКИХ ДИСКУРСАХ

Амирбекова Айгуль Байдебековна

*кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института языкознания им. А. Байтурсынова
Комитета науки МОН РК, Казахстан
E-mail: Amirbekova_2012@mail.ru*

В современных исследованиях в области когнитивной лингвистики большое внимание уделяется проблемам организации и способам представления структуры знания в языке. Однако вопрос о том, какие именно знания (фрейм, гештальт, индивидуальная картина мира) отражают обработанную сознанием информацию, поступившую из окружающего мира, требует уточнения. В соответствии с основными идеями когнитивной лингвистики, значения слов в системе языка соотносимы с определенными когнитивными структурами и методами. Для этого вырабатываются новые методы когнитивного анализа: концептуально-таксономический анализ, когнитивно-матричный анализ, а также разрабатываются основные типы форматов знания, как концептуально-простые (понятие, представление, образ и т. д.), так и концептуально-сложные (пропозиция, фрейм, категория, матрица). Все эти когнитивные методы основывались в рамках школы «Когнитивная лингвистика» под руководством Н. Н. Болдырева.

В когнитивной лингвистике термин «матрица» может использоваться в разных смыслах. В частности, он может обозначать: 1) многоаспектность знания, 2) множественность способов языковой репрезентации знания, 3) вариативность употребления концептуальных структур (многофункциональность), 4) многозначность языковой единицы на уровне системы.

По мнению Н. Н. Болдырева, только в первом случае правомерно говорить о когнитивной матрице как системе взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта [1].

Когнитивная матрица как особый формат знания позволяет отразить различные связи концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания. На первый взгляд, понятие когнитивной матрицы аналогично понятию фрейма, но

между ними есть существенные различия. Если фрейм представляет собой иерархически организованную структуру, в которой выделяются обязательные и факультативные компоненты, то для структуры когнитивной матрицы в целом не характерна какая-либо иерархия. Компоненты когнитивной матрицы открывают доступ к разным концептуальным областям, ни одна из которых не является строго обязательной или доминирующей по отношению к другим [2].

Мы можем распознать результат мыслей только с помощью языка. Следовательно, у человека, не знающего языка, невозможно определить степень его внутреннего мира и интеллектуальные способности. Однако познание мира зависит от степени полного определения природных особенностей внеязыковых символов и положений. Некоторые ситуации в сознании не могут быть представлены в языковом виде, но могут просто сохраняться в нем. Ситуации такой действительности, которые могут быть представлены четко и ясно, являются стереотипными, приобретающими языковой смысл при многократном повторении. Например, в поэзии казахского поэта М. Макаева стереотипные символы, («золотая осень», «пасмурная осень»), и нестереотипные символы, описывающие осень («пора, когда деревья как будто носят золотые серьги», «пора, когда чувствуешь, как ты повзрослел», «длинные ночи с поздним рассветом») отражаются в сознании как мыслительная картина.

По нашему мнению, когнитивно-матричный анализ — это учение и познание данных ситуаций при помощи языковых и неязыковых путей. В поэтическом дискурсе парадигмой когнитивной матрицы можно представить не мир в зеркальном отражении, а калейдоскоп в разном цвете и образах. Как мы уже упомянули, когнитивная матрица — это совокупность мыслей в сознании, сформулированных в процессе познания мира до проявления языковых качеств. Поэтому понятие о мире скапливается в подсознании мысленно (в ментальном виде), из этих понятий самые важные представляют сигнальную основу объективной действительности. Все важные выбранные личностью понятия не все могут быть эксплицитными (появившийся на свет). Например, концепт «ночь» определяется значениями темноты и спокойствия. А у поэтов и писателей может быть индивидуальное содержание личной имплицитной обработки (не появившийся на свет). Например, «ночь как темное покрывало», «ночь безмолвна», «ночь глуха» «закрывая шторы, погасив свет, засыпай, ночь», «ночь наглая, падшая». «Какая наглая ночь, рассеявшая счастье человека» (казахский поэт М. Макаев). Черный — темнота, покрывало — приятное, мягкое; умиротворяющая тишина (ассоциации с чувствованием кожей). «Безмолвная», «глухая» — отсутствие какого-либо звука, так представляется ночная тишина в виде хаоса (звуковые ассоциации). Описание ночи негативными коннотациями как ночи «падшей» и «наглой» выражают озлобленное, обиженное,

аффективное состояние автора. Здесь прослеживается только одна неудачная оценка — описание ночи как раздражающей, злой, непослушной. Поэт М. Макатаев с помощью олицетворения отрицательными качествами, свойственными человеку, пытался передать всю свою злобу относительно этой ночи. Описание ночи как черного покрывала, безмолвной, глухой, падшей, наглой не является распространенным понятием, это личное нестереотипное внутреннее понимание ситуации. Поэтому имплицитное содержание отличает концептуально-сложные матрицы от концептуально-простых структур, и оно часто проявляется в творческом мире. Обработанная имплицитная и эксплицитная схема в сознании человека формирует понятие и обоснование эмоционального значения или концептуального значения объективной действительности.

Даже простейшая матрица сводит воедино знания о разных аспектах одного явления. Она обращена к нескольким концептуальным областям, ни одна из которых не является строго обязательной. Когнитивная матрица служит своего рода связующим звеном между различными типами неязыковых знаний, а также между неязыковыми и языковыми знаниями. Так, посредством когнитивной матрицы структуры знания могут соотноситься с языковыми средствами их выражения [3].

В результате когнитивно-матричного анализа в концепте «Смерть» в казахском дискурсе отражаются такие модели концептуальных структур матрицы:

Национальная модель интерпретации концепта «Смерть» «Неприбывший корабль, пойдешь не вернешься» — мыслительная картина. Возник как изображение смерти в пространстве. Например, *«Лежит ребенок, чего же ты довольный? Пожилых людей остается все меньше и меньше. Кто-то стоит, ожидая у берега, а кто-то взобрался на неприбывший корабль»*.

«Проиграть в жизни», «опустить руки» — сценарий. Сформирован на жизненном опыте, увиденном, чувственном воздействии сделанного вывода. Например, *«Отец и мать опустили руки. Не журите, я отомщу за вас прожитой жизнью»*.

«Умереть, не состарившись» — мыслительная картина. Возник на изображении увиденного. Например, «мать наша скончалась, не состарившись. От горя мягкая постель превратилась в твердую доску».

«Иной мир, царство Коркыта» — сценарий. Возник как мифологическое понятие. Например, *«И наш старый, печальный Корқыт искал и встретил обетованную землю, рай. И ушел он в мир иной, если пораздумать»*.

«Стать духом» — фрейм. Возник на национально-мифологическом понимании. Например, «Упав со своего корабля как боевой конь, старик стал умершим духом».

«Устраниться от жизни» — мыслительная картина. Возник на стереотипном понимании образной объективизации. Например, «Старик был устранен от жизни, и позади все наследство осталось без присмотра». «Смерть — западня» — схема. Возник в подсознании на основе изображения. Например, «Все знакомо: теплая ночь, долгое утро, жизнь, продлившая годы, пока еще свободен от оков смерти».

«Душа улетела в небо», испустить дух, отдать душу Богу — мыслительная картина. Сформулирована в мифологическом представлении, не в объективной действительности. Например, «Когда придет безжалостная смерть, я отдам душу Богу».

«Сомкнуть очи, заснуть, уснуть вечным сном» — фрейм. Возник как стереотипное понимание. Например, «Лишь из сердца моего раздался жалостливый стон, и погрузусь я в вечный сон».

«Смерть, наступившая внезапно», неожиданная смерть — мыслительная картина. Возникла как индивидуальное, нестереотипное изображение. Например, «Я был тем одиноким человеком. Однажды смерть нагрянет внезапно. Но до этого момента буду искать в себе силы, любя эту жизнь».

«Расстраиваться, потерять надежду» — мыслительная картина. Сформирована как национально-стереотипное понятие. «Я несчастный человек, несчастный. И скоро опущу руки».

Таким образом, компоненты, входящие в состав матрицы, могут открывать доступ к концептуальным областям различного уровня сложности. При этом каждый компонент связывает ядро концепта с соответствующей областью знания. Иными словами, матрица не отражает непосредственной связи сущности или явления с другими сущностями, находящимися с ней в синтагматических или парадигматических отношениях, а отражает набор концептуальных сфер, имеющих в силу опыта и знания человека отношение к данному концепту.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н., Куликов В. Г. О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. — Т.65. — № 3. — С. 3—13.
2. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / Гл.ред Е. С. Кубрякова. — М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. — С. 25—78.
3. В. Г. Куликов. Когнитивно-матричный анализ диалектных единиц // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Сборник научных трудов. Тамбов. 2008.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ РЕЧЕВОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СПОРТЕ

Морозов Евгений Александрович

канд. филол. наук, доцент МаГУ, г. Магнитогорск

E-mail: buddenbroki@mail.ru

Проблема толерантности — одна из наиболее актуальных и сложных в современной науке. Сегодня ее исследуют наряду с проблемами глобализации, мультикультурализма, ментальности и т. д.

Значительное увеличение количества исследований в данной области в конце XX — начале XXI века связано как с участвовавшими актами насилия, терроризма, обострившимися межрелигиозными и межэтническими противоречиями, проникновением проявлений нетерпимости в школу, так и с размытостью норм в современной культуре.

Лидеры мировых государств постоянно подчеркивают важность толерантного отношения друг к другу. При этом рассматривается, как правило, этническая составляющая толерантности. Еще в 2006 году, будучи президентом России, в. В. Путин в ходе встречи с представителями «молодежной восьмерки» говорил, что «толерантность лежит в основе российской государственности, поскольку Россия на всем протяжении своей тысячелетней истории вкладывалась как многонациональное и многоконфессиональное государство, что без решения этого вопроса, без толерантного отношения людей друг к другу, невозможно было бы решить ни одной другой проблемы» [6].

Европа в отличие от России исторически шла по другому пути развития общества «пустив» в середине 20 века «на некоторое время» на свою территорию представителей иных культур как рабочую силу и неся, тем самым, идеи мультикультурализма, европейцы столкнулись с тем, что национальные языки государств до сих пор не стали родным для приезжающих. Целые кварталы европейских столиц населяют мигранты из Азии и Африки, так и не изучая государственный язык «новой родины». Британский премьер Дэвид Кэмерон вслед за бундесканцлером Германии Ангелой Меркель признали провал в Европе пятидесятилетней миграционной политики мультикультурного общества. Так, к примеру, приглашая на работу в Германию сотни тысяч дешевых турецких рабочих, западногерманские политики 60-х, конечно, не подозревали, что придет время, когда в школах дети, говорящие на чистом немецком, станут изгоями (район Нойкёльн г. Берлин). И не удивительно, что турецкий язык — второй по распространенности язык Германии.

Понятие «толерантности» становится популярным и даже модным. Стремясь к уточнению понятия, многие авторы используют весьма неоднозначные или даже метафорические описания. Но от частого употребления смысл понятия «толерантность» становится все менее конкретным, а контекст его употребления позволяет толковать его слишком широко. Когда говорят о гуманизации общества, формировании у человека гражданской ответственности и правового самосознания, духовности и культуры, инициативности, самостоятельности, то почти всегда поднимают тему «толерантности», подразумевая при этом терпимость к иному образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям и т. д. При этом пользуясь словом «толерантность» не как научным термином, а для фиксации определенных аспектов реальности. Поскольку, определение толерантности дано множество, рассмотрим кратко происхождение самого термина и его основную трактовку.

Во многих культурах понятие «толерантность» является своеобразным синонимом «терпимости»: лат. *tolerantia*, англ. *tolerance*, нем. *Toleranz*, фр. *tolérance*. Кроме того, большинство словарей XX века указывают прямое толкование толерантности как терпимости. Словари XX века зачастую связывают «толерантность» с понятием «терпимость», определяя ее как снисходительность к кому- или чему-либо, обозначает готовность предоставить другому человеку возможность осуществить свободу мысли и действия. В XIX в. глагол «терпеть» насчитывал множество лексем и выражал различные значения: выносить, страдать, крепиться, стоять не изнемогая, выжидать чего-то, допускать, послаблять, не спешить, не гнать и т. д. [5, с. 4]. Словарь В. И. Даля трактует «терпимость» как способность что-либо терпеть только по милосердию или снисхождению [2]. Словарь Брокгауза и Ефрона сводит толерантность в основном к веротерпимости [4].

Формирование понятие «русской» и «иной» толерантности формировалось на протяжении длительного времени и постепенно приобретало и накапливало все более разносторонние значения, чтобы во всей полноте соответствовать современности. Блестящий обзор становления и эволюции терминов «толерантности» и «терпимости» в гуманитарных науках провел М. А. Семашко [7].

Наиболее точное, всеохватывающее определение на современном этапе понятие «толерантность» приобрело в «Декларации принципов толерантности» генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, толерантность означает «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности» [3].

Рассмотрев материал, посвященный проблемам толерантности, мы заключаем, что пафос данных работ сводится к использованию понятия «толерантности» как категории социологии, политики, этнологии, этики, исторической и философской наук. При этом лингвистическая составляющая термина остается нераскрытой и, несмотря на его очевидную лингвистическую значимость, не приобрело пока достойного статуса в лингвистике. Роль ученых-лингвистов остается не востребованной.

«Толерантность» сегодня очень часто используется не только в вышеуказанных науках, но и в повседневной бытовой речи (порой, совершенно неоправданно), когда, к примеру, пытаются оскорбительно сравнивать представителей разных национальностей («лица кавказской национальности», «чурки», «хачики», «хохлы», «жиды», «фрицы», «негры»). Или в отношениях между людьми, когда на передний план выходит гендерный аспект. При этом трудно проявлять толерантность, в том числе и «речевую», в отношении бомжа, гадающего в подъезде, пьяного дебошира, нарушающего общественный порядок, или людей, бросающих мусор на мостовую или нарушающих очередь в общественных заведениях. Б. Я. Шарифуллин подчеркивал, что подобная «бытовая толерантность — это естественная рефлексия одной языковой личности по отношению к другой: если тебя вербально оскорбили или «послали по матушке», ни о какой толерантности речи быть не может, поскольку речевая агрессия со стороны адресанта в данной коммуникативной ситуации очевидна. Ты либо вступаешь в ответное инвективное и чаще всего также обценное общение, либо от вербального взаимодействия переходишь сразу к физическому» [8, с. 118—121].

Речевая толерантность людей, увы, снижена, на передний план выступают стилистические неграмотные формулировки. Зачастую, это используется в силу нежелания, а иногда от неумения переводить на нормальный «человеческий» язык. Вышеуказанные примеры недопустимы, это ли не проявление нетолерантного отношения в языке. И все же нам приходится сталкиваться с явлением языковой (речевой, вербальной) инвективности. Проблема лингвистической инвективы и инвективности уже рассматривалась — с разных сторон — в целом ряде исследований (Голев Н. Д., Капленко В. Н., Коровушкин В. П., Шарифуллин Б. Я., Гоменюк А. А. и др.). Инвективность как языковая категория отражает и воплощает естественную функцию языка как реализацию его общей экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями. «Инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова [1, с. 44—49]. Исполнение этой функции для

носителя языка так же естественно, как и выполнение коммуникативной и прочих функций.

Рассмотрение проблем толерантности нашло отражение и в различных сферах жизни человека. Сегодня, говоря о спорте, мы констатируем, что этот вид деятельности является плодотворной почвой для межкультурных обменов, укрепления взаимопонимания между народами, служит школой демократии. Благодаря широкому освещению событий спортивной жизни в средствах массовой информации, спорт может оказывать колоссальное влияние на широкие слои общественности, пропагандируя идеалы коллективизма, солидарности, взаимопонимания и взаимоуважения. События последних лет доказывают, что проблемы, связанные с толерантностью, нетерпимостью к «иному», постоянно вмешиваются в данную область.

Сегодня спорт — та сфера, которая всегда являлась благотворной почвой для укрепления контактов между людьми, говорящими на разных языках, исповедующими разные религии; почвой для достижения взаимопонимания между представителями разных наций и культур. Именно здесь необходимо выстроить модель эффективной толерантной межкультурной коммуникации. Вероятность конфликтного поведения значительно снижается, если представители разных национальностей, политических взглядов или противоборствующих сторон стараются понять точку зрения и логику своих оппонентов в такой важнейшей сфере, как спорт. В последнее время именно спортивные мероприятия являются ареной столкновения на межэтнической и межнациональной почве, будучи тем местом, где необходим поиск неконфликтных моделей общения. Именно на стадионах при помощи оскорбительных баннеров или «кричалок» выясняются отношения между болельщиками противоборствующих команд (болельщики футбольных клубов «Спартак» и «ЦСКА», «Кубани» и «Краснодара» (Россия), Интера и Ювентуса (Италия), «Челси» и Ливерпуля» (Англия)) или между игроками и болельщиками с вынесением клубам последующих крупных денежных штрафов (случаи против Роберто Карлоса, Самира Насри и т.д.). После одного из матчей «Спартак и «ЦСКА» дисциплинарным комитетом Российского футбольного союза было вынесено постановление с формулировкой «За оскорбление болельщиками игроков ПФК ЦСКА по расовой принадлежности оштрафовать ФК «Спартак» на 100 тысяч рублей».

С нашей точки зрения, воспитание языковой толерантности снизит накал этнического неприятия. Поэтому вопросы, как в спорте сочетаются культурное многообразие через представителей иных культур и интеркультурные компетенции, выраженные в способности понимать и принимать ярко выраженные социокультурные различия,

формирование модели коммуникативной толерантности, благодаря которой можно влиять на поведенческую толерантность, делают нашу работу в свете лингвокультурологических проблем вполне актуальной.

Еще одним доказательством того, что спорт способствует развитию этнической толерантности, является возможность спортсменов разных национальностей примирить этносы внутри одной нации и возвысить статус своего народа, своей страны на мировой арене. Заслуги отдельных выдающихся спортсменов и спортивных команд становятся не только знаменательными событиями в жизни их стран и регионов, но и делают их, в определенной степени, знаковыми фигурами в судьбе народов и этнических групп. Такие спортсмены при жизни становятся символами национальной гордости своих народов, кумирами целых поколений зрителей и болельщиков.

Так за футбольную сборную Германии выступает Месут Озил, игрок, имеющий турецкие корни. Именно спорт помог чиновникам Северной и Южной Кореи возобновить диалог и найти другие каналы для коммуникации. Эти страны объединили своих атлетов в совместную команду на летних Олимпийских играх 2000 году. Игроками сборной России по мини-футболу являются бразильцы Густаво, Сирило и Пула. Джон Роберт (Джей Ар) Холден — первый в истории чернокожий баскетболист сборной России по баскетболу, выступавший за сборную России на чемпионате Европы 2005 и 2007 годов и Олимпийских играх 2008 года. 20 октября 2003 года Президентом России Владимиром Путиным был подписан Указ о приеме в гражданство Российской Федерации Джона Холдена как лица, обладающего профессией либо квалификацией, представляющими интерес для Российской Федерации. При этом ценз оседлости был снижен до одного года. 16 сентября 2007 года Дж. Холден забросил решающие два очка в финальном матче чемпионата Европы 2007 года в корзину сборной Испании, принеся России титул чемпиона Европы-2007. После этого события Дж. Холдену присвоили звание Заслуженного мастера спорта России.

Вопросы, связанные с проявлением неприятия, интолерантности и даже расизма в области спорта, широко обсуждаются мировой общественностью. В свете событий, когда в ближайшее время Россия станет ареной проведения крупнейших мировых спортивных мероприятий (Чемпионат мира по хоккею среди молодежных команд 2013 г. (г. Уфа), Всемирная летняя универсиада 2013 г. (г. Казань), Зимние олимпийские игры 2014 г. (г. Сочи), Чемпионат мира по футболу 2018 г.), акцент решения вышеобозначенных проблем смещается и на нашу страну. И роль лингвистов в решении проблем толерантности становится едва ли не ведущей.

Список литературы:

1. Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Барнаул, 1999. С. 44—49.
2. Даль. В. Терпеть // Толковый словарь русского языка, 1998.
3. Декларация принципов толерантности. Прин. рез. 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. [электронный ресурс] Режим доступа. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 8.05.2012)
4. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона/ В современной орфографии. Спб.: Издательское общество «Ф.А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1907—1909. [электронный ресурс] Режим доступа. — URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз_и_Ефрона/~Т/35/ (дата обращения: 8.05.2012)
5. Погодина А. А. Толерантность: термин, позиция, смысл, программа. [электронный ресурс] Режим доступа. — URL: <http://his.1september.ru/2002/11/2.htm> (дата обращения: 8.05.2012)
6. Путин В. В. Толерантность для России имеет особое значение. [электронный ресурс] Режим доступа. — URL: <http://www.gazetaprotestant.ru> (дата обращения: 8.05.2012)
7. М. А. Семашко. Развитие термина «толерантность» в гуманитарных науках // Электронный научно-педагогический журнал, 2007. [электронный ресурс] Режим доступа. — URL: <http://www.emissia.org/offline/2007/1204.htm> (дата обращения: 8.05.2012)
8. Шарифуллин Б. Я. Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 8—9 (16—17). Красноярск, 2006. С. 118—121.

РОЛЬ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В РАСКРЫТИИ ТЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Осипова Ирина Анатольевна

аспирант кафедры русской филологии, г. Оренбург

E-mail: irinastone@rambler.ru

В данной статье рассматривается вопрос о значимости ключевых слов (далее КС) в художественном тексте и в раскрытии его темы.

Любой текст характеризуется основными текстовыми категориями, такими, как связность и цельность. КС в структуре художественного текста также соотносятся с названными текстовыми категориями. Они играют особую роль в обеспечении семантической связности художественного текста, поскольку являются смысловыми организующими компонентами в его структуре. Л. Р. Башкова подчеркивает, что важное значение приобретает такая характеристика КС как многократная повторяемость в тексте за счет чего достигается не только локальная (межфразовая) связность, но и глобальная, охватывающая весь текст [1, с. 97].

С помощью КС текст приобретает целостность, поскольку КС соотносятся с идеей текста, передают его основную мысль. В этой связи трудно не согласиться с утверждением о том, что благодаря «неоднократному повторению в художественном тексте они образуют семантический стержень произведения, выступают в качестве своеобразных скреп, придающих тексту целостность и единство» [6, с. 69].

Н. С. Валгина отмечает, что смысловая цельность текста заключается в единстве темы — микротемы, макротемы, темы всего речевого произведения. Тема текста — это то, о чём (о ком) в нём говорится, а ее единство достигается за счет регулярной повторяемости КС через их синонимизацию, через повторную номинацию. Мельчайшая частная тема обычно дается в зачине, первой фразе единства. Она заключена в межфразовом единстве, которое монотематично. Переход от одной темы к другой — это сигнал границы межфразовых единств [2, с. 20].

Любой более или менее развернутый текст может быть свернут в процессе компрессии в набор ключевых слов (далее НКС). НКС может быть различного объема (например, из 15, 10, 5 слов). Предполагается, что испытуемый, выбирая в тексте слова, передающие его основное содержание, вначале выбирает основное ключевое слово, которое обычно является самым частотным знаменательным словом, а потом ищет и слова-характеристики к этому слову, которые в совокупности могут быть представлены в виде НКС. Эти характеристики могут быть

двойного рода: характеристики «тематического» типа, тяготеющие к началу последовательностей слов, идущих от основного ключевого слова и связанных по принципу «цепочки», и характеристики «рематического» типа, тяготеющие к концу такой «цепочки» (к концу предложения или даже последовательности предложений).

По мнению Л. В. Сахарного, набор КС в качестве свернутой перифразы к тексту позволяет выявить основную семантическую структуру тематической организации основного содержания текста как инварианта цельности [9, с. 111]. В этой связи ученый вводит в лингвистику понятие «текст-примитив» и обозначает набор КС как «текст-примитив». Тексты-примитивы могут быть как первичными, так и «вторичными» как компрессированный вариант развернутого текста. Вторичные тексты-примитивы являются эффективным материалом для экспериментальных исследований, благодаря возможности сопоставления с исходным первичным развернутым текстом. В этом случае они выступают в качестве текстов-синонимов развернутого текста. Проведя сопоставление НКС и обычного текста, Л. В. Сахарный и А. С. Штерн выявили, что как и текст, НКС обладает цельностью и связностью. «Хотя в нем и отсутствуют формальные показатели связности, само соположение ключевых слов в «естественно» построенном наборе, их упорядоченность имеют синтагматическую природу, являясь одним из минимальных средств выражения связности в текстах. Эта минимальная связность обуславливает построение НКС по типу цепочечной структуры» [10, с. 34—51].

Е. А. Коржнева замечает, что НКС возможно работает на текст в общем представлении (текст в процессе коммуникации), говоря же об исследовании художественного текста, мы сталкиваемся с более сложными механизмами [5, с. 49]. Объясняется это тем, что целостное восприятие текста, формирование общего смысла текста достигается не за счет входящих в текст КС, а за счет многообразия структурных связей внутри текста и между КС в частности, в результате чего резко понижает самостоятельность отдельных входящих в него единиц. По словам Ю. М. Лотмана: «Текст стремится превратиться в отдельное «большое слово» с общим единым значением» [7, с. 65]. То, что в естественном языке представляет цепочку дискретных знаков, в художественном тексте превращается в смысловое целое с «размазанным» на всем пространстве семантическим содержанием, то есть тяготеет к превращению в единый знак — носитель смысла. Художественный текст интегрирован в смысловом отношении, входя в него «отдельные слова не только «сдвигаются» в смысловом

отношении, <...> но и сливаются, смыслы их интегрируются» [7, с. 65].

Смысловые группы находятся в тексте в некоторой системе соподчинения. С позиции денотативного анализа выявляется следующая иерархия элементов содержательной структуры текста: тема — подтемы — субтемы — микротемы [8, с. 127—151; 3, с. 168]. Микротемы раскрывают содержание субтем, субтемы — подтем, которые полагаются «ключевыми» денотатами, раскрывающими содержание предмета описания — темы текста.

По словам В. Д. Черняк «ключевое слово — это «слово — толчок к обогащению мысли»; оно, «всплыв на поверхность сознания, начинает вытягивать именно системно-релевантные для него... ассоциаты и связи» [11, с. 29]. Чтобы ответить на вопрос, как провести границу между денотативными элементами текста, следует обратиться к ассоциативным полям слов, которые исследуются Н. С. Болотновой, И. И. Бабенко, А. А. Васильевой, А. В. Звягинцевой и др. Ассоциативные поля представляют собой типы полей, исследуемые в рамках психолингвистики и психологии, для которых характерно объединение вокруг слова — стимула (КС) определенных групп слов-ассоциатов, которые, в свою очередь, могут являться словами-стимулами для других слов-ассоциатов. А. В. Звягинцева показывает схему распределения элементов в ассоциативном поле:

1) Слова-ассоциаты, имеющие непосредственное отношение к ключевому слову-стимулу обладают статусом слов-ассоциатов I порядка.

2) Слова-ассоциаты, имеющие опосредованное отношение к ключевому понятию через одно слово-ассоциат, являются словами-ассоциатами II порядка.

3) Слова-ассоциаты, имеющие опосредованное отношение к ключевому понятию через два и более слова-ассоциата, имеют статус слов-ассоциатов III и IV порядка [4, с. 184].

Далее, опираясь на полевую модель языка, исследователь соотносит структуру ассоциативного поля с содержательно-структурным уровнем текста. В результате чего, ключевые слова-стимулы относятся к теме. Слова-ассоциаты I порядка, имеющие непосредственное отношение к ключевому слову-стимулу (теме) — к подтеме. Слова-ассоциаты II порядка, имеющие опосредованное отношение к заданному ключевому понятию (теме) через одно слово-ассоциат — к субподтеме. Слова-ассоциаты III или IV порядка, имеющие опосредованное отношение к заданному ключевому понятию (теме) соответственно через два и более слова-ассоциата —

к микротеме. Субподтема со своей микротемой связана с подтемой и подчинена ей как элемент содержания, входящего в более широкое содержание. На содержательном уровне в качестве подтем выступает некоторая совокупность слов, внутренне связанных между собой в единое целое и составляющих некоторый отрезок текста. Подтема раскрывает различные аспекты основного предмета описания, заданного замыслом.

Таким образом, можно сделать вывод, что КС играют важную роль в создании смысловой цельности текста. Они осуществляют активную связь с другими словами, помогающими всесторонне раскрыть обозначенную тему. КС, становясь доминантными обозначениями, создают вокруг себя единый смысловой контекст, вовлекая в него другие слова, ситуативно связанные со словом-понятием, избранным в качестве ключевого.

Список литературы:

1. Башкова Л. Р. Вариативность / инвариантность ключевого элемента поэтического текста: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2008. 309 с.
2. Валгина Н. С. Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
3. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи. М.: Лабиринт, 1998. 160 с.
4. Звягинцева А. В. О новом подходе к изучению интонации как маркера семантической структуры текста // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». М.: Изд-во МГОУ, 2007. № 2. С. 184.
5. Коржнева Е. А. Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 186 с.
6. Кухаренко В. А. Ключевые и тематические слова в оригинале и переводе художественного произведения // Филологические науки. 1983. № 4. С. 68—71.
7. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: «Искусство — СПб», 1999.
8. Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983.
9. Сахарный Л. В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 184 с.
10. Сахарный Л. В., Штерн А. С. Набор ключевых слов как тип текста. М., 1988.
11. Черняк В. Д. Текстовые проекции глагольных синонимических рядов // Проблема исследования слова в художественном тексте. Л., 1990. С. 27—38.

АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ДИАЛОГА В РАБОТАХ М. М. БАХТИНА И ИХ РАЗВИТИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Труфанова Ирина Владимировна

*доктор филол. наук, профессор кафедры филол. образования МИОО,
г. Москва*

E-mail: illokucia1@rambler.ru

В современной психологии М. М. Бахтин считается учёным, открывшим диалогичность сознания человека.

В 1926 г. выходит из печати книга М. М. Бахтина «Фрейдизм». Уже в этой работе М. М. Бахтин предстаёт как первооткрыватель диалогичности человеческого сознания. Он отталкивается от критики содержания бессознательного в учении З. Фрейда. По М. М. Бахтину, содержанием сознания является официальная идеология, а содержанием бессознательного неофициальная. Поведение человека, пишет М. М. Бахтин, распадается на действия и сопровождающие эти действия внешнюю и внутреннюю речь [6, с. 84—85]. Словесный компонент поведения определяется во всех основных существенных моментах своего содержания объективно-социальными факторами [6, с. 85]. М. М. Бахтин называет внутреннюю речь, проникающую насковзь наше поведение, «житейской идеологией», которая более чутка, отзывчива, нервна, подвижна, чем идеология оформившаяся, официальная. В недрах житейской идеологии, утверждает М. М. Бахтин, и накаплиются те противоречия, которые, достигнув известного предела, взрывают, наконец, систему официальной идеологии. Конфликты, которые разыгрываются в стихии житейской идеологии, выходят не только за пределы сознания, но и за пределы индивида [6, с. 85—86]. Сон, миф, шутка, острота и все словесные компоненты патологических образований отражают в себе борьбу различных идеологических тенденций и направлений, сложившихся внутри житейской идеологии. Те ее области, которые соответствуют фрейдовскому цензурированному, официальному сознанию, выражают наиболее устойчивые и господствующие моменты классового сознания. Они близки к оформленной, сложившейся идеологии этого класса, к его праву, морали, мировоззрению. В этих пластах житейской идеологии внутренняя речь легко упорядочивается и свободно переходит во внешнюю речь, во всяком случае, не боится стать внешней речью. Другие пласты, соответствующие фрейдовскому бессознательному, очень далеки от устойчивой системы господствующей идеологии. Они говорят о разложении единства и целостности этой системы, о поколебленности обычных

идеологических мотивировок. Конечно, случаи накопления таких рассасывающих единство житейской идеологии внутренних мотивов могут носить случайный характер и свидетельствовать только о социальной деклассированности отдельных лиц, но чаще всего они свидетельствуют о начинающемся разложении, если и не класса в его целом, то некоторых его групп. В здоровом коллективе и в социально-здоровой личности житейская идеология, основанная на социально-экономическом базисе, — цельна и крепка: нет никакого расхождения между официальным и неофициальным сознанием. Содержание и состав неофициальных пластов житейской идеологии (т. е. по З. Фрейду, — содержание и состав бессознательного) в такой же степени обусловлены эпохой и классом, как и её цензурированные пласты и как системы оформленной идеологии (мораль, право, мировоззрение). Чем шире и глубже разрыв между официальным и неофициальным сознанием, тем труднее мотивам внутренней речи перейти во внешнюю речь (устную, письменную, печатную), чтобы в ней оформиться, уясниться и окрепнуть. Такие мотивы начнут хиреть, терять свое словесное обличие и мало-помалу действительно превращаются в чужеродное тело в психике. Целые группы мотивов житейской идеологии могут оказаться таким путем выключенными из пределов вербализованного поведения, могут стать асоциальными. Так расширяется сфера «животного» в человеке, асоциального в нём. Но не всякий мотив, вступивший в противоречие с официальной идеологией, вырождается в смутную внутреннюю речь и умирает, — он может вступить в борьбу с официальной идеологией. Если он обоснован в экономическом бытии целой группы, если это не мотив деклассированного одиночки, ему предстоит социальное будущее, может быть, и победоносное, у такого мотива не будет никаких оснований стать асоциальным, расстаться с общением. Только сначала он будет развиваться в маленькой общественной среде, уйдёт в подполье, но не в подполье вытесненных комплексов, а в здоровое политическое подполье. Так именно, делает вывод М. М. Бахтин, строится революционная идеология во всех сферах культуры [6, с. 88—89].

Итак, в работе «Фрейдизм» М. М. Бахтин представляет диалогичность человеческого сознания как диалог сознания и бессознательного, диалог-противоборство установленных, официальных, устаревших социальных ценностей, норм, оценок, взглядов и неофициальных, зарождающихся, новых.

В 1929 г. выходит «Марксизм и философия языка». В данной работе М. М. Бахтин вводит два новых аспекта диалога, как он его понимает. Во-первых, он видит диалогичность в делении текста на абзацы, сравнив абзацы с репликами диалога. «Если бы мы глубже

вникли в языковую сущность абзацев, то убедились бы, что они в некоторых существенных чертах аналогичны репликам диалога. Это как бы ослабленный и вошедший внутрь монологического высказывания диалог. Ощущение слушателя и читателя и его возможных реакций лежит в основе распада речи на части, в письменной форме обозначаемые абзацами. Чем слабее это ощущение слушателя и учёт его возможных реакций, тем более нерасчленённой, в смысле абзацев, будет наша речь. (...) Если бы речь абсолютно игнорировала слушателя (что, конечно, невозможно), то её органическая расчленённость свелась бы к минимуму» [1, с. 122—123]. Деление текста на абзацы обусловлено тем, что в современной лингвистике обозначают термином фактор слушающего и относят к метатексту — средствам структурирования и комментирования основного информативного текста, облегчающим слушающему его восприятие и обработку информации, сообщаемой говорящим. Данный аспект диалогичности получил детальную разработку в работах Т. В. Шмельовой, определившей метатекст как часть модуля высказывания, ориентированную на слушающего [11].

Второй аспект теории диалога, поднимаемый в книге, связан с конструкциями для передачи чужой речи. М. М. Бахтин пишет, что их развитие отражает динамику изменения в обществе отношения к личности другого: «продуктивное изучение диалога предполагает более глубокое исследование форм передачи чужой речи, ибо в них отражаются основные и константные тенденции активного восприятия чужой речи (...)» [1, с. 126]. По М. М. Бахтину, истинным предметом исследования должно быть именно динамическое взаимоотношение этих двух величин — передаваемой («чужой») и передающей («авторской») речи, так как реально они существуют, живут и формируются только в этом взаимодействии, а не сами по себе в своей отдельности. «Чужая речь и передающий контекст — только термины динамического взаимоотношения. Эта динамика, в свою очередь, отражает динамику социальной взаимоориентации словесно-идеологически общающихся людей (конечно, в существенных и устойчивых тенденциях этого общения)» [1, с. 129].

М. М. Бахтин называет два направления, в каких может развиваться динамика взаимоотношений авторской и чужой речи. В первых, основная тенденция активного реагирования на чужую речь может блюсти ее целостность и аутентичность. Язык может стремиться создать отчетливые и устойчивые грани чужой речи. В этом случае шаблоны и их модификации служат более строгому и четкому выделению чужой речи, ограждению ее от проникновения авторских интонаций, к развитию ее индивидуально-языковых особенностей [1, с. 129]. М. М. Бахтин пишет, что должно строго различать,

насколько дифференцировано в данной языковой группе социальное восприятие чужой речи, насколько раздельно ощущаются и социально весомы экспрессия, стилистические особенности речи, лексикологическая окраска и пр. Или же чужая речь воспринимается лишь как целостный, социальный акт, как некая неделимая, смысловая позиция говорящего, т. е. воспринимается только *что* речи и за порогом восприятия остается ее *как*. Такой предметно-смысловой и в языковом отношении обезличивающий тип восприятия и передачи чужой речи М. М. Бахтин находит в старо- и среднефранцузском языке, в памятниках древнерусской письменности, однако при почти полном отсутствии шаблона косвенной речи. Господствующий здесь тип — обезличенная (в языковом смысле) прямая речь. В пределах первого направления М. М. Бахтин рекомендует также различать и степень авторитарного восприятия слова, степень его идеологической уверенности и догматичности. Чем догматичнее слово, чем менее допускает понимающее и оценивающее восприятие какие-либо переходы между истиной и ложью, между добром или злом, тем более будут обезличиваться формы передачи чужой речи. Ведь при грубой и резкой альтернативности всех социальных оценок нет места для положительного и внимательного отношения ко всем индивидуализующим моментам чужого высказывания. Такой авторитарный догматизм, пишет М. М. Бахтин, характерен для среднефранцузской и древнерусской письменности. Для XVII в. во Франции и XVIII в. в России — характерен, как пишет М. М. Бахтин, рационалистический догматизм, так же, хотя и в других направлениях, понижающий речевую индивидуацию. Четкость и ненарушимость взаимных границ авторской и чужой речи достигает здесь наивысшего предела. Первое направление в динамике речевой взаимоориентации авторской и чужой речи М. М. Бахтин, пользуясь искусствоведческим термином Вельфлина, назвал *линейным стилем* передачи чужой речи. Основная тенденция его — создание отчетливых, внешних контуров чужой речи при слабости ее внутренней индивидуации. При полной стилистической однородности всего контекста (автор и все его герои говорят одним и тем же языком), грамматически и композиционно чужая речь достигает максимальной замкнутости и скульптурной упругости [1, с. 130].

При втором направлении динамики взаимоориентации авторской и чужой речи, пишет М. М. Бахтин, мы замечаем процессы прямо противоположного характера. Язык вырабатывает способы более тонкого и гибкого внедрения авторского реплицирования и комментирования в чужую речь. Авторский контекст стремится к разложению компактности и замкнутости чужой речи, к ее рассасыванию, к стиранию ее границ. Этот стиль передачи чужой речи М. М. Бахтин

называет *живописным*. Его тенденция — стереть резкие внешние контуры чужого слова. При этом самая речь в гораздо большей степени индивидуализована; ощущение разных сторон чужого высказывания может быть тонко дифференцированным. Воспринимается не только его предметный смысл, содержащееся в нем утверждение, но также и все языковые особенности его словесного воплощения [1, с. 131].

В пределах второго направления М. М. Бахтин видит также несколько разнородных типов. Активность в ослаблении границ высказывания может исходить из авторского контекста, пронизывающего чужую речь своими интонациями, юмором, иронией, любовью или ненавистью, восторгом или презрением. Этот тип характерен для эпохи Возрождения (особенно во французском языке), для конца XVIII и почти для всего XIX в. Авторитарный и рациональный догматизм слова при этом совершенно ослаблен. Господствует некоторый релятивизм социальных оценок, чрезвычайно благоприятный для положительного и чуткого восприятия всех индивидуально-языковых нюансов мысли, убеждения, чувства. На этой почве развивается «колоризм» чужого высказывания, приводящий иногда к понижению смыслового момента в слове (например, в «натуральной школе», у Н. В. Гоголя слова героев иногда почти утрачивают предметный смысл, становясь колоритной вещью, аналогичной костюму, наружности, предметам бытовой обстановки и пр.).

Но возможен, пишет М. М. Бахтин, и другой тип: речевая доминанта переносится в чужую речь, которая становится сильнее и активнее обрамляющего ее авторского контекста и сама как бы начинает его рассасывать. Авторский контекст утрачивает свою присущую ему нормально большую объективность сравнительно с чужой речью. Он начинает восприниматься и сам себя осознает в качестве столь же субъективной «чужой речи». В художественных произведениях это часто находит свое композиционное выражение в появлении рассказчика, замещающего автора в обычном смысле слова. Речь его так же индивидуализована, колоритна и идеологически неавторитетна, как и речь персонажей. Позиция рассказчика зыбка, и в большинстве случаев он говорит языком изображаемых героев. Он не может противопоставить их субъективным позициям более авторитетного и объективного мира. Таков рассказ у Ф. М. Достоевского, А. Белого, Ремизова, Сологуба [1, с. 131—132].

М. М. Бахтин установил, что наступление авторского контекста на чужую речь характерно для сдержанного идеализма или сдержанного коллективизма в восприятии чужой речи, а разложение авторского контекста свидетельствует о релятивистическом индивидуализме речевого восприятия. Субъективному чужому высказыванию

противостоит сознающий себя столь же субъективным комментирующий и реплицирующий авторский контекст. М. М. Бахтин констатирует, что для всего второго направления характерно чрезвычайное развитие смешанных шаблонов передачи чужой речи: особенно, несобственной прямой речи, наиболее ослабляющей границы чужого высказывания [1, с. 132].

М. М. Бахтин добавляет, что должно всегда учитывать социально-иерархическое положение передаваемого чужого слова. Чем сильнее ощущение иерархической высоты чужого слова, тем отчетливее его грани, тем менее оно доступно проникновению во внутрь её комментирующих и реплицирующих тенденций. Так, в пределах неоклассицизма, в низких жанрах имеются существенные отступления от рационально-догматического, линейного стиля передачи чужой речи. Характерно, что несобственная прямая речь впервые достигла могучего развития именно в баснях и сказках Лафонтена [1, с. 133].

М. М. Бахтин выделяет следующие эпохи в развитии динамического взаимоотношения чужой и авторской речи: *авторитарный догматизм*, характеризующийся линейным и безличным монументальным стилем передачи чужой речи (средневековье); *рационалистический догматизм* с его еще более отчетливым линейным стилем (XVII и XVIII в.); *реалистический и критический индивидуализм* с его живописным стилем и тенденцией проникновения авторского реплицирования и комментирования в чужую речь (конец XVIII и XIX в.) и *релятивистический индивидуализм* с его разложением авторского контекста (современность) [1, с. 133—134]. Проникновение авторского реплицирования и комментирования в чужую речь приводит к развитию несобственно-прямой речи [9], разложение авторского контекста чужой речью создаёт несобственно-авторское повествование [8].

В работе «Проблемы речевых жанров» М. М. Бахтин высказывает и доказывает тезис, что всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер [3, с. 235]. Концепция слушающего является необходимой составляющей каждого жанра и у каждого жанра она своя. М. М. Бахтин приводит дифференциацию активно-ответного понимания: реализованное в действие понимание и активно-ответное понимание замедленного действия. М. М. Бахтин описывает данные разновидности следующим образом: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной) (...) активно-ответное понимание услышанного (например, команды) может непосредственно реализоваться в действие (выполнение понятого и принятого к исполнению приказа или команды), может остаться до поры до времени молчаливым ответным пониманием

(некоторые речевые жанры только на такое понимание и рассчитаны, например лирические жанры), но это, так сказать, ответное понимание замедленного действия: рано или поздно услышанное и активно понятое откликается в последующих речах или в поведении слышавшего. Жанры сложного культурного общения в большинстве случаев рассчитаны именно на активно-ответное понимание замедленного действия» [3, с. 235]. Высказывание ориентируется не только на предшествующие ему высказывания, но и строится с учётом возможных ответных реакций [3, с. 278]. Теория активно-ответного понимания приводит М. М. Бахтина к выводу об амбивалентности говорящего: говорящий является не только говорящим, но и одновременно отвечающим на предшествующие его высказыванию слова, реплики, теории; более того, он является одновременно и слушающим, так как его установка на то, что бы быть активно-понятым требует от него учёта форм языкового самоопределения слушающего, он строит речь, используя известные, понятные, излюбленные слова слушающего. В работе Т. Г. Винокур развиваются данные утверждения М. М. Бахтина, амбивалентность говорящего понимается как наличие у каждого высказывания двух говорящих — собственно говорящего и слушающего, так как говорящий получит активно-ответное понимание только в том случае, если будет говорить словами слушающего [7].

В работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» М. М. Бахтин, развивая понятие диалогичности, демонстрирует различие гуманитарных мыслей и мыслей о природе естественных дисциплин и делает вывод о двуплановости, двусубъектности гуманитарного мышления. «Гуманитарная мысль рождается как мысль о чужих мыслях, волеизъявлениях, выражениях, знаках(...)» [4, с. 321]. Развивая мысль об активном понимании чужого высказывания М. М. Бахтин прибегает к сравнению объяснения и понимания: «Увидеть и понять автора произведения — значит увидеть и понять *другое, чужое сознание и его мир, т.е. другой субъект («Du»)*. При *объяснении* — только *одно* сознание, один субъект; при *понимании* — *два* сознания, два субъекта» [4, с. 333]. М. М. Бахтин выделяет в каждом тексте две составляющих: воспроизводимую систему языка и что-то неповторимое, индивидуальное. Неповторимое, индивидуальное — это то в нём, «что имеет отношение в истине, правде, добру, красоте, истории» [4, с. 323]. Каждое новое воспроизведение текста — это, по М. М. Бахтину, новое событие в его жизни, поскольку каждый раз к нему выражается новое, индивидуальное отношение: «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность всегда разыгрывается на рубеже *двух сознаний, двух субъектов*» [4, с. 325]. Данное положение нашло развитие в теории

литературы, в определении онтологии художественного текста В. И. Тюпой [10].

М. М. Бахтин ставит вопрос о том, что понимание чужого языка как системы тоже предполагает диалогическое отношение к нему [4, с. 333]. Впоследствии в работе «Слово в романе» М. М. Бахтин трактует Язык как диалог этнических языков [5].

Ещё один аспект диалогичности выдвигается М. М. Бахтиным в связи с языком реалистической прозы. В повествовании прозаического произведения имеет место нарочитое столкновение разных стилей, которое всегда диалогично [5, с. 319], истина об изображаемом фрагменте действительности ищется именно в этом диалоге. «Автор литературного произведения (романа) создаёт *единое* и *целое* речевой произведение (высказывание). Но он создаёт его из разнородных, как бы *чужих* высказываний. И даже прямая авторская речь осознанных чужих слов. Непрямое говорение, отношение к своему языку как одному из возможных языков (а не единственно возможному и безусловному языку)» [5, с. 322]. В работе «Слово в романе» М. М. Бахтин показывает, что разноречие в романе демонстрирует различие между авторитарным и внутренне убедительным словом, что в диалоге стилей ищется внутренне убедительное слово.

Во многих своих работах М. М. Бахтин выделяет два типа отношения писателя к персонажу: овеществление персонажа, при котором отсутствует диалогическое отношение к нему, и субъектность персонажей, при которой отношение к персонажу является диалогическим.

В работе «Проблемы поэтики Достоевского» М. М. Бахтин вводит понятие внутреннего человека. Основная характеристика внутреннего человека — его свобода. «Он не является конечной и определённой величиной, на которой можно было бы строить какие-либо твёрдые расчёты; человек свободен и потому может нарушить любые навязанные ему закономерности» [2, с. 79]. М. М. Бахтин во многих своих работах утверждает: «Человек никогда не совпадает самим собой» [2, с. 70], он незавершён. Поэтому писатель-гуманист не овеществляет персонажа, не завершает его. Поскольку индивид пребывает в окружении множества других людей, то его сокровенное упование состоит в том, чтобы непосредственно раскрыться перед этими «другими»: «Подлинная жизнь личности доступна только *диалогическому* проникновению в неё, которому она *сама* ответно и свободно раскрывает себя» [2, с. 70]. Драматизм ситуации состоит в том, что сознание другого обладает овеществляющей силой и властью, против которой протестует самосознающая свобода человека. Тогда как другой стремится завершить и овнешнить моего внутреннего человека, этот человек всячески бунтует против такого овнешнения:

«Пока человек жив, он живёт тем, что ещё не завершён и ещё не сказал своего последнего слова» [2, с. 69].

В работе «Проблемы теста» М. М. Бахтин вводит понятие наадресата, или третьего собеседника, как его обозначил С. С. Гусев. «Автор никогда не может отдать всего себя и всё своё речевое произведение на полную и окончательную волю наличным или близким адресатам (ведь и ближайšie потомки могут ошибаться) и всегда предполагает (с большей или меньшей осознанностью) какую-то высшую инстанцию ответного понимания, которая может отодвигаться в разных направлениях. Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнёрами)» [4]. Наадресат связан с незавершённостью внутреннего человека, его существование ею обусловлено.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. — М.: Лабиринт, 1993. — 191 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: В 7 т.: Т. 6. — М.: Русские словари, 2002. — С. 60—80.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 237—280.
4. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках// Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 281—307.
5. Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 76—226.
6. Бахтин М. М. Фрейдизм. — М.: Лабиринт, 1992. — 120 с.
7. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. — М.: Наука. 1993. — 172 с.
8. Труфанова И. В. Из истории разработки понятия несобственно-авторское повествование // Эстетические и лингвистические аспекты анализа текста и речи. Сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. 20—22 февр. 2002 г.: В 3 т. : Т. 2. — Соликамск: СГПИ, 2002. — С. 123—137.
9. Труфанова И. В. Прагматика несобственно-прямой речи. — М.: Прометей, 2000. — 569 с.
10. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). — М.: Лабиринт, РГУ, 2001. — С. 10—36.
11. Шмелёва Т. В. Диалогичность модуса// Вестник Моск. гос.ун-та. Сер. 9. Филология. — 1995. — № 5. — С. 147—156.

**«ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ: ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ»**

Часть I

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

14 мая 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.05.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,75. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3